Семь дней до Мегиддо

Автор:
Сергей Лукьяненко

Семь дней до Мегиддо

Сергей Лукьяненко

Книги Сергея Лукьяненко

Ктулху. В этом романе нет Ктулху. А все остальное, пожалуй, тут есть.

Ах да, еще в нем нет Интернета, его запретили Инсеки! И Луны нет, поскольку они раздробили ее на куски. Над Землей теперь Лунное кольцо с двумя самыми большими осколками – Селеной и Дианой.

Но все уже привыкли.

К тому же теперь есть кристаллики, за которые Продавцы могут продать что угодно. Хотя бы и Джоконду. Или две Джоконды, обе настоящие, такие же, как в Лувре.

Довольно доброе начало апокалипсиса, правда?

Сергей Лукьяненко

Семь дней до Мегиддо

© С. Лукьяненко, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Часть первая

Глава первая

Снаружи все Комки разные, и все похожи друг на друга. Будто взяли огромную кучу серой липкой массы и уронили на землю с высоты. Ну, в общем-то так оно и было… Масса немного расплескалась, немного оплыла – да так и застыла большим, с двухэтажный коттедж, комком. Родители говорят, что в старину и обычные магазины порой называли Комками, но, по-моему, тут дело во внешнем виде.

Этот Комок был самый ближний к дому. Я прошел по Большой Никитской. Место людное, раза три я встретил гуляющие компании (все знакомые, с кисловскими ребятами я перетер о делах), попались и несколько серчеров-одиночек в зеркальных очках. Несколько раз мимо проезжали машины, в основном государственные, но одна точно личная – тяжелая, бронированная, с темными стеклами. Одно стекло было опущено, из щели с явным неодобрением взирал на мир серьезный толстомордый мужчина. Потом свернул на Леонтьевский. Тут почти никого не было, только в скверике, где стоял обросший паутиной памятник какому-то восточному человеку, рылся в кустах старый сумасшедший бомж в разбитых зеркалках. Правая линза вообще отсутствовала, левая потрескалась – что он собирался так найти, непонятно.

Никаких окон в Комке нет, есть только дверь, с виду самая обычная: широкая, деревянная, с ручкой. И замков никаких. Но если ты пришел пустым, то тебе откроют лишь один раз, чтобы своими глазами всё увидел…

Там, где Комок шлепнулся после Перемены, между Леонтьевским и Вознесенским, стояло здание, которое разметало в разные стороны. Большую часть мусора убрали, но следы все равно остались. Я однажды тут подобрал

здоровенную трезубую вилку, которой переворачивал мясо на гриле.

Небо сделалось уже красно-серым, лунное кольцо мерцало закатным светом. Где-то часа через полтора совсем стемнеет, надо спешить. Вечер – время спокойное, а вот ночью болтаться по улицам я не любил, не дурак же.

Я толкнул дверь, та легко открылась, – и вошел в Комок. Тут было светло, самую малость прохладно и малолюдно. По ту сторону длинного полукруглого прилавка вообще никого не оказалось, склад был закрыт задернутой наглухо шторой, а с моей стороны стояли две девицы из Гнезда – мелкая куколка лет десяти и постарше, лет двадцати, жница. Ждали заказ, понятное дело. Гнездо наше, с Гнездниковского переулка, не самое большое в Москве, но здание занимало серьезное, бывшее Министерство культуры. Представляете? Раньше было специальное учреждение, которое занималось песнями, фильмами и прочими книжками!

До Гнезда недалеко, всего-то метров сто, и если расслабиться, то начинаешь ощущать легкую неуютность.

Подойдя к прилавку, я встал рядом с мелкой. Та уставилась на меня наглыми глазами. Куколки – они с виду обычные девчонки или мальчишки, даже одеваются так же, только им все равно, что на себя нацепить. Но эта была приметная: рыжая, растрепанная, зеленоглазая, в кроксах, синих мальчишеских бермудах и грязной белой футболке на пару размеров больше, чем требовалось. На футболке в ряд нарисованы звезда, круг, квадрат и треугольник. А так – девчонка как девчонка.

Вот у жницы, у нее и движения другие, и радужка цвет меняет на сиреневый, и кожа будто скользкая делается, и одежда уже своя, облегающая, из крошечных черных чешуек, вроде как цельный комбинезон, на ступнях утолщающийся в мягкие туфли. Стригутся они все коротко, но волосы у них с виду обычные. Эту я раньше вроде не встречал, хотя в лице что-то знакомое было.

Я снова глянул на мелкую, пытаясь понять, почему четыре безобидных геометрических знака на футболке выглядят слегка вызывающе.

– Че уставился на мои сиськи, извpат? – дерзко спросила куколка.

– Как я могу на них уставиться без микроскопа? – презрительно ответил я.

– Точно, – фыркнула она. – Ты без лупы рэдку под носом не увидишь.

– Это я сейчас ослеп, – любезно ответил я. – Как тебя увидел.

Куколка замялась, пытаясь решить, оскорбление это или комплимент. Жница глянула на меня неодобрительно. Я подмигнул ей. Сказал куколке:

– Ладно, привет, Наська. Как ты?

– Норм, – сказала она, с облегчением прекращая пикировку. – А ты, Максим?

– Живу, – ответил я, пожав плечами. Ну а что тут еще ответишь?

Куколку звали Анастасия, но она упорно называла себя Наськой. А вот меня почти все звали Максом, но она так же упорно называла Максимом. Наверное, чтобы позлить.

– Знаешь его? – спросила жница девочку.

– Местный, – призналась Наська. – Норм. Часто тут бывает.

Наська обожала ходить в Комок. С кем я ее только не встречал! Пару раз со стражами. Однажды сюда приперся монах с двумя старшими стражами – так и тут она вертелась под ногами.

– Хороший серчер? – поинтересовалась жница.

– Норм, – сказала Наська, что было максимальным одобрением с ее стороны.

Жница посмотрела на меня, нахмурилась. Мимика у нее оставалась еще совсем человеческой. Кажется, тоже вспоминала, где меня видела.

– Дарина, – сказала она.

– Максим, – ответил я. – Или просто Макс.

Общительная жница – редкость, это куколки любят поболтать.

Кажется, она хотела что-то у меня спросить, но тут появился Продавец. Вышел, клацая по полу, раздвигая шторы спиной, и бухнул на стол тяжелый пластиковый ящик. Кивнул мне и сказал Дарине:

– Три инициирующие дозы первой фазы.

Ясно-понятно. Гнездо приняло к себе трех детишек. Я с любопытством смотрел на Продавца, который открыл ящик и демонстрировал поочередно три металлических термоса. Продавец был здоровенный, поперек себя шире, закутанный в многослойную бурую хламиду, закрывающую и голову, и большую часть лица. То, что удавалось рассмотреть, походило на человека, но каков он на самом деле, я не знал.

Наверное, все-таки не совсем человек. Иначе бы не цокал так ногами по полу при ходьбе.

– Одна финальная доза первой фазы… – продолжил Продавец.

– Это моя, – с гордостью сказала Наська.

– Поздравляю, – буркнул Продавец. – Одна усиливающая доза второй фазы.

– А это Дарины, – сообщила куколка.

Теперь понятно. Дарина до сих пор на начальном этапе, потому и разговорчивая.

Значит, жницей не останется. Пойдет на третью фазу. Станет стражей, а то и кем покруче.

– Поздравляю, – сказал я. – В стражу?

Жница не ответила. Зато Наська возмущенно воскликнула:

– А шоколадка?

– От сладкого зубы портятся, – отрезала Дарина.

– Не успеют! – Наська продемонстрировала белозубую улыбку. – Ну Да-а-арина…

– Заказ оплачен Гнездом, у меня денег нет… с собой, – неохотно сказала Дарина.

Я запустил руку в карман джинсов, где всегда держу немножко мелочи. Достал вайкр, мелкий, но симметричный, положил на прилавок.

– Дайте девочке шоколадку.

Продавец протянул руку, тоже скрытую под складками ткани, ловко взял пальцами в черных перчатках вайкр. Поднес к лицу, изучая. Кивнул:

– Достойный экземпляр. Хватит на две хорошие шоколадки.

– Тогда и уважаемой жнице – тоже.

Дарина фыркнула, но отказываться не стала. Девчонки все любят шоколад, даже если они уже не совсем люди.

Продавец нырнул за занавес. Дарина помолчала и сказала:

– Спасибо, Максим.

– Да не за что. – Я не удержался и спросил: – Слушай, тебе сколько?

– Лет?

– Ага.

– Восемнадцать.

Я задумался.

– Гадаешь, где меня видел? – спросила Дарина.

– Точно.

– Мы в одной школе учились.

– Чего? – поразился я.

– Ты же в сто десятой учился?

– Por supuesto.

– Когда всё началось, ты в одиннадцатом был?

Я кивнул.

– А я в третьем. – Дарина провела рукой над головой Наськи, демонстрируя рост.

Конечно, я ее не помнил. Удивительно, что она запомнила!

– Ты с моим братом учился в одном классе, – пояснила Дарина. – Ростислав.

– Ростик? – поразился я. Мы были не то чтобы друзья, но приятели. И дома у него я пару раз бывал… – Извини, не узнал. Ты немного подросла.

Дарина улыбнулась, чуть неуклюже, будто давно этого не делала.

– Да брось, с чего бы ты запомнил…

– Как Ростик? – спросил я.

И осекся, потому что вспомнил.

– Наш дом сгорел, – сказала Дарина. – Все умерли. Меня папа выбросил из окна, – она помедлила. – Хотел на дерево, но недокинул. Я вся поломалась. Лежала полгода в больнице, сказали, что ходить никогда не буду. Собирались выписать в приют. А тут как раз наше Гнездо появилось, мы тогда брали всех. В больницу пришли, я сразу согласилась.

– И как… теперь? – глупо спросил я.

– Поправилась, – ответила она серьезно. – Но не сразу.

Вернулся Продавец, торжественно неся в руках две шоколадки. Действительно хорошие – «Вдохновение». Наська сразу схватила и стала потрошить свою, а Дарина опустила подарок куда-то в незаметный карман на комбинезоне. Я подумал, что вторая шоколадка, наверное, тоже достанется куколке.

– Рад был увидеться. – Ситуация сложилась такая неловкая, что я начал мямлить, будто школьник: – Заходи, если что. Я в Медвежьем, дом три, как и раньше. Только не с родителями живу, конечно.

Дарина улыбнулась. Теперь у нее получилось лучше.

– Спасибо. Если что… Было приятно встретиться.

– Ты была в него влюблена? – не прекращая жевать шоколад, воскликнула Наська. – Точно, да? Он ведь друг твоего брата! У тебя была детская влюбленность в почти взрослого парня!

– Вот же балаболка, – вздохнула Дарина. – Пока, Максим.

Она подхватила ящик с мутагенами, легко поставила себе на плечо. Жницы – не стражи, конечно. Но тоже куда сильнее человека.

Я мялся у прилавка, пока куколка со жницей не вышли. Продавец терпеливо ждал. Когда дверь закрылась, торжественно произнес:

– Какая красивая история! Мне кажется, молодой человек, она могла бы стать очень романтичной. Но финал второй фазы…

– Мне кило картошки, – попросил я, останавливая его болтовню. Тоже мне, романтик. Какая романтика между человеком и жницей?

– А вы любите красивую жизнь, – сказал Продавец одобрительно. – И правильно делаете, Максим! Что еще?

– Десяток яиц, – сказал я. – Бутылку подсолнечного масла, пачку сливочного. Пакет муки, на два кило. Пачку спагетти, самых обыкновенных. Пачку сигарет, простых каких-нибудь. И тушенку, как обычно. Три банки.

Продавец ждал.

– Да, еще кусок туалетного мыла, кусок хозяйственного. И туалетную бумагу, упаковку на четыре рулона. Всё.

– Полагаю, что нужен хороший голубой кристалл, – решил Продавец. – Или посредственный зеленый.

Кристаллы получше у меня хранились в пакетике, в нагрудном кармане рубашки. Поскольку никого, кроме Продавца, в Комке не было, я достал весь пакетик и выбрал из десятка разноцветных кристалликов плохонький зеленый – пятиугольный, с небольшой синей мутью внутри.

Продавец со скепсисом посмотрел на него, даже поднял вверх, проверяя на свет. Потолок в Комке был бугристый и весь светился, где ярче, а где тусклее.

– Пожалуй, я могу досыпать немного рационов, – сказал он. – И добавить банку пива.

Такой щедрости я не ожидал, но отказываться, конечно, не стал.

– Согласен.

Государственные деньги в Комках никого не интересовали. На них тоже можно купить и еду, и одежду, и вообще всё, что делают люди. Вот только качество будет хуже, даже мука паршивая. И цена такая, что если ты удачливый серчер,

то игра не стоит свеч.

Продавец оказался столь любезен (наверное, его и впрямь растрогала наша с Дариной встреча), что упаковал всё в прочный бумажный пакет. Рационов накидал не меньше десятка, да и банку пива добавил большую, пол-литровую. Сигареты я сразу достал и спрятал в карман. Они были незнакомые, но мне-то какая разница.

Я вышел на улицу (ого, как стемнело-то уже!) и быстро двинулся по переулку. Давешний бомж по-прежнему пасся в сквере, ползая по траве на карачках и подсвечивая себе тусклым фонариком. Оптимист!

Или что-то знает?

Свернув, я подошел к бомжу.

Старик быстро уселся на корточки. Был он весь заросший, бородатый, в нескольких слоях одежды, из-под куртки торчал грязный свитер, из-под свитера свисали полы рубашки, а на плечи бомж еще и одеяло набросил.

В такой позе он карикатурно напоминал обросший паутиной памятник за спиной. Всё собираюсь посмотреть, кому он на самом деле.

– Добрый вечер, – сказал я, стараясь не особенно приближаться. От бомжа предсказуемо пахло бомжом. – Удачная охота?

Вопрос был рискованный. Выживший из ума старикан мог решить, что я хочу поживиться его лутом, и… А что «и»?

Ну, к примеру, начнет кидаться какашками.

– Весьма неудачная, добрый юноша, – неожиданно вежливо ответил бомж. – К сожалению, мои очки не в лучшем состоянии. Я потерял правое стекло в прискорбном конфликте за более интересные места охоты, а левое треснуло при обстоятельствах анекдотического свойства. Но печальнее всего, что батарейка в фонарике садится, а у меня нет даже ломаного вайкра.

Есть такой тип бомжей. Вроде как всё на свете пропили, включая мозги, но при малейшей возможности начинают изъясняться витиевато и вежливо.

– Боюсь, тут и нет ничего, – сказал я. Достал свои очки, аккуратно надел одной рукой.

Мир чуть-чуть потемнел и стал контрастнее. Фонарь у Комка разбросал в стороны радужные линии. Стекла у поисковых зеркалок поляризованные, но главное не в том. Обычные поляроиды не годятся, проверено миллионы раз. Нужна какая-то специальная обработка, напыление особого полимера… в общем – стекла можно купить лишь в Комке. За кристаллы. А найти кристалл без очков безумно трудно. Замкнутый круг получается.

Может, у бомжа вообще обычные линзы?

Мои стекла были вставлены в хорошую оправу, к тому же с интегрированным фонариком на дужке. Коснувшись кнопки, я вызвал узкий яркий пучок света. Подкрутил безель, расширяя луч.

Я повертел головой, честно пытаясь увидеть хотя бы слабенький фиолетовый отблеск среди травы. Подошел к скамейкам, заглянул в урны (ворошить мусор, конечно, не стал). Нет, пусто.

– Никоим образом не прошу вас оказать мне финансовую помощь, – сказал бомж. – Но, если вы внимательно оглядите это место и гарантируете, что оно пусто, я сменю дислокацию.

Подавать ему я и не собирался. Можете считать меня жадным и бессердечным, но я же знаю, что любой вайкр этот старик пустит на бухло и закуску, а не на подержанное стекло и новую батарейку. Всегда есть люди, которым еще хуже, но они своей беды не заслужили и помощь не пропьют.

А вот посмотреть… почему бы и нет?

Я обошел памятник, поворошил кое-где траву ногой. Сказал:

– Боюсь, вам и впрямь стоит менять дислокацию.

– Посмотрите еще там, за скамейкой, – попросил бомж. – Нутром чую, должно что-то быть.

Уже жалея, что отвлекся, я обошел скамейку. Трава там была вытоптана, на земле стояло несколько пустых пивных банок и бутылка из-под дешевого игристого. В стороне валялся использованный презерватив.

Я поморщился. Похоже, совсем недавно какая-то парочка утоляла тут подстегнутую алкоголем страсть.

– Нет тут ничего… – опуская голову, сказал я. – …Полезного.

Под ногами тускло искрились две крошечные зеленые звездочки.

– Что ж, удача мне сегодня изменила, – изрек бомж, вставая. – Желаю вам удачной охоты, уважаемый серчер…

– Эй… – позвал я. – Иди… идите сюда.

Я отступил на пару шагов, когда бомж торопливо приковылял к скамейке.

– Пиво я уже допил, – разочарованно сказал он, водя хилым лучиком света.

– Вон там, – указал я, нацеливая фонарик.

Каким бы треснутым стекло в зеркалках бомжа ни было, но все-таки оно оказалось настоящим. Бомж присел, порылся в земле. Выпрямился, изучая добычу.

Любопытство пересилило, я подошел ближе.

Верно, два зеленых кристаллика, то есть два гринка.

Кристаллики были маленькие, неправильной формы. Но все-таки зеленые.

– Берите, берите! – Бомж протянул мне гринк. – Мне вполне хватит одной зеленушки на новое стекло, пару батареек и бутылку приличной выпивки. А иначе я выпью слишком много и скончаюсь!

Он наставительно поднял трясущийся палец и добавил:

– Какой-нибудь друг неизбежен везде, но лучший – когда он помощник в труде! Ваша доля, честный и благородный юноша!

И что вы думаете, я сделал?

Конечно же, взял кристалл, хоть и оттирал потом всю дорогу и его, и руку санитайзером.

Зеленый кристалл – это зеленый кристалл.

Глава вторая

Когда-то давно был анекдот: «Как сделать, чтобы всё в мире стало хорошо? Есть два сценария: реалистический и фантастический. Так вот, реалистический – если к нам прилетят инопланетяне…»

Так и получилось, хотя насчет «хорошо» можно поспорить.

Я тогда проснулся не сразу; если верить родителям, минут через пять после того, как по всей Москве стали выть сирены. Даже не испугался, только разозлился. Вышел из своей комнаты и обнаружил родителей на кухне. Родители пили дорогущий старый вискарь из роскошной бутылки, подаренной отцу на юбилей, которую он припрятал в баре со словами: «На свадьбе Максима открою».

Меня это почему-то обидело.

Телевизор над столом был включен, звук приглушен, но мигала надпись, призывающая всех жителей Москвы немедленно отправляться в ближайшее

убежище. Ну и вдобавок: «Это не учебная тревога».

– Война, что ли? – спросил я недоуменно.

Отец кивнул. И налил виски в третий стакан.

– Ты чего? – сказал я. – Пап, мам, надо в убежище!

Станция метро «Арбатская» недалеко, до нее минут десять, если не спешить. В нее не всех впустят, это точка эвакуации персонала Минобороны. Но у отца есть пропуск, я знал.

– Бесполезно, – ответил отец очень спокойно. – Это центр Москвы, сын. Тут никакие убежища не спасут.

– А я говорила вчера: поехали за город! – сказала мама очень тонким пронзительным голосом. Хотя сколько себя помню, она никогда не любила загородную жизнь. И вчера тоже говорила, что ей надоела выставка тщеславия и она хочет провести выходные в Москве: сходить в Большой и поужинать в нормальном ресторане.

– Рублевку тоже накроет, – ответил отец убежденно. И снова спросил меня: – Будешь?

Я помотал головой.

Отец выпил залпом из стакана, который предлагал мне, и поморщился:

– И виски дрянной… вода водой!

Я сел под телевизором, чтобы не видеть мигающую надпись, и стал смотреть в окно. Как-то это было всё глупо! Я же в этом году школу заканчиваю! Какая еще война? Мир и так чуть живой после всех пандемий. Кто начал-то?

…На самом деле никто до сих пор не знает, кто начал. Ну, кто-то, наверное, знает, но это стало так не важно, что вопрос замяли. Американцы считают, что первыми запустили ракеты мы. Мы – что американцы. Еще все немного

подозревают китайцев, хотя у них дела шли лучше всех, им-то зачем начинать мировую войну? Но мы с американцами отстрелялись первыми, тут же бахнули британцы и зачем-то Пакистан с Индией. Китайцы начали стрелять предпоследними, и то потому, что часть ракет полетела к ним. Напоследок, хотя они до сих пор это отрицают, запустили десяток ракет израильтяне.

Отсиделись только французы, и сейчас очень этим гордятся.

Вот только ни одна ракета не взорвалась.

Через час, когда начало светать, а по телевизору перепуганный диктор бормотал что-то о сбое в системе гражданской обороны и призывал к спокойствию, отец стоял у окна, глядел в небо и матерился как сапожник. Досталось и МЧС, и гражданской обороне, и нашему президенту, и не нашему, и военным всех стран и континентов… но больше всего друзьям, которые подарили крутой вискарь, а тот как вода – совсем не забирает.

Мама спала, положив голову на стол. Где-то в промежутке, когда мы поняли, что конец света откладывается, она даже нарезала сыра и колбасы, но никто к ним не притронулся.

Я понюхал опустевший отцовский бокал, потом проглотил последние капли. Виски был вонючим и ужасно крепким.

– Пойду я спать, – сказал я. И действительно пошел. Интернет не работал, по телевизору продолжал бормотать диктор, и обещали скорое выступление президента.

Президент выступил в полдень и тоже говорил про глобальный сбой спутниковых систем, вызванный вспышками на Солнце. И что он уже поговорил со всеми мировыми лидерами, и все обеспокоены, и это повод начать ядерное разоружение, к которому всегда призывала Россия…

А пришельцы вышли на связь только через сутки.

Домой я добрался без приключений. На улице горели редкие фонари (центр все-таки), да и лунное кольцо светило ярко. Сейчас самый крупный осколок, Селена, был не над Москвой, но и мелочь сияла, почти как старая Луна в полнолуние.

На углу Никитской пришлось остановиться – по улице пронеслись с включенными мигалками две пожарные машины и две полицейские. Хорошо хоть, без сирен, мама бы услышала и разволновалась.

Уже у самого дома я увидел идущего от метро Виталия Антоновича. Он тоже меня заметил, остановился, махнул рукой.

Виталий Антонович куда старше большинства серчеров, ему уже под сорок. Собирать кристаллы он начал одним из первых в Москве; если не врет, так еще до появления Комков. У него и впрямь талант: он и без зеркалок, в обычных очках, которые носил от близорукости с детства, ухитрялся замечать даже мелкие кристаллики. Как он сам говорил, «помогает астигматизм».

Насчет астигматизма не знаю, это болезнь распространенная, но у других такого умения не припомню.

Мы поздоровались за руку. Виталий Антонович, несмотря на душный вечер, был в светлом костюме, подчеркивая всем своим видом отличие от молодых серчеров. И обращались к нему все по имени-отчеству, и в нашей неформальной табели о рангах он числился старшим – так его и называли.

– Зайдешь, Макс? – Старший кивнул в сторону кафе, где собирались серчеры нашего района.

– Не сегодня, Виталий Антонович. Я домой.

– Заглядывай, – сказал он. – Конец света – не повод для одиночества.

Сам он был человеком несемейным и вечера проводил в тусовке. Может, потому и стал лидером – все и всегда знали, где его найти.

– Конец света – не повод менять привычки, – ухмыльнулся я. – Я плохо предназначен для компаний.

И двинулся дальше.

В старых фантастических книжках «про апокалипсис» – представляете, такие писали и их даже любили читать! – обычно происходила какая-нибудь хренотень, ну, вроде войны, эпидемии, нашествия инопланетян, появления мутантов, изменения климата. То есть именно то, что сейчас у нас, только никто не догадался, что всё это может случиться одновременно. И первым делом, как считали авторы, рухнет центральная власть. Люди станут бегать с автоматами по пустыням и воевать за банку тушенки, а управлять ими никто не будет. Кто сильный, тот и прав.

Три раза ха-ха. Власть исчезнет только тогда, когда на Земле останется один-единственный человек. И то потому, что собой управлять-то никто не умеет, все предпочитают править другими.

Вот и на Земле власти никуда не делись. Конечно, есть Инсеки, которые сами по себе, и чихать им на мировые правительства. Но даже Инсеки с властями сотрудничают и публично не заявляют, что они самые главные. Зачем? Во-первых, это и так все понимают. Во-вторых, всем удобнее, когда между обычными людьми и пришельцами есть прослойка.

Так что государственные медицина, образование, полиция, пожарная служба остались, и куча прочих организаций тоже. Но если кому хочется – езжай в пустыню или тайгу, найди себе автомат и бегай в поисках тушенки. Никто не запрещает.

Еще до Перемены власти занимались в основном тем же, чем сейчас, – латанием дыр. Эпидемии шли одна за другой, шесть лет подряд. То старый добрый ковид мутировал, то флай-эбола, то еще какая гадость. В сетях орали про конец света, про биологический терроризм, что матушка-Земля решила извести человечество. Упертые считали, что никакой опасности нет – ровно до того момента, как начинали задыхаться или сочиться кровью. Но, как ни странно, в большинстве своем люди приспособились. Привыкли учиться в школах и институтах онлайн, пенсионеры гуляли по балконам, все дружно получали продовольственные наборы от государства.

Для многих после Перемены ничего особо и не изменилось. С электричеством стало хуже, конечно. Вся «зеленая энергетика» накрылась, потому что без

нормальной Луны приливы стали слабенькие, ветра сменили направление, солнечный свет сквозь пылевое кольцо проходил хуже, и солнечные батареи себя не оправдывали. Ну и атомные электростанции закрылись, конечно.

Но нефть, газ, уголь – остались, так что в крупных городах и свет давали не по графику, и машины ездили. Папа, когда был в настроении поболтать, называл это «апокалипсис-лайт». До Перемены он служил крупным чиновником, мы не зря жили в самом центре, и денег он особо не считал. Даже купил мне квартиру в нашем подъезде, когда соседи с перепугу решили уехать в Сибирь, у них был дом в Горном Алтае.

Потом министерство, где отец работал, реформировали, его отправили на пенсию. Все счета за рубежом накрылись, квартиру в Питере национализировали, на Рублевке творился бардак, стихийно возникшие банды отрывались на ненавистных богатеях. Наш загородный дом разграбили и подожгли. Тогда много чего горело… иногда лето Перемены называют летом пожаров…

Так что, хоть мы остались жить в самом центре, и кое-что у отца все-таки сохранилось, богатыми родители больше не были.

Хорошо, что я научился зарабатывать.

Возле подъезда никого не было, я открыл кодовый замок и проскользнул внутрь. Кивнул консьержу. Дом у нас хороший, на охрану мы скидываемся. Ночь всё-таки время неспокойное. У полиции и Росгвардии сейчас полномочия огромные, но отчаянного или отчаявшегося народа хватает.

– В Комок ходил? – спросил консьерж.

Он уже пожилой мужик, под полтос, но крепкий. До Перемены служил в армии, но теперь армии сократили, потом пытался устроиться в полицию, но таких желающих много. Консьерж сидел за перегородкой и смотрел маленький телевизор, короткая дубинка лежала перед ним на столе.

– Ага, – сказал я без уточнений. Достал пачку сигарет и через окошко положил перед консьержем.

Тот расплылся в улыбке:

– Ого! «Соверен»! Я такие курить начинал, еще в школе учился… Сколько я тебе должен, Макс?

Он даже сделал движение, будто лезет в карман.

– Нисколько, Андреич. Подарок, – улыбнулся я.

С людьми надо поддерживать хорошие отношения, особенно если от них зависит твоя безопасность.

– Спасибо еще больше, – сказал консьерж, нюхая закрытую пачку. – Прям как в детство заглянул…

Лифт я вызывать не стал, это плохой тон – зря тратить электричество и ресурсы механизмов. Поднялся на четвертый этаж, позвонил в дверь.

Открыл, конечно, отец. Был он навеселе, но умеренно.

– Сына…

Я позволил себя обнять и даже поцеловал отца в небритую щеку.

Они у меня не алкоголики. Бытовые пьяницы. Ну а что делать пожилым людям, когда мир обрушился? Им уже под семьдесят, и ничего в жизни не светит.

– Кто там? – позвала из гостиной мама. Голос у нее был чуть громче, чем хотелось бы, и очень характерно вибрировал.

Отец виновато посмотрел на меня. Сказал:

– Мама… отдыхает.

Повернулся в глубину квартиры, крикнул:

– Это Максим! Продукты принес!

– Максимушка! Иди сюда! – позвала мама требовательно.

Пришлось идти. Я разулся, прошел по нашей большущей квартире, где стоял затхлый кисловатый запах. Мебель у родителей роскошная, наверное, ее всё еще можно хорошо продать – где сейчас в Москве купишь итальянскую мебель? На стенах висели картины, тоже не самые дешевые когда-то. Айвазовский и Поленов – это в хорошие времена было важно. Окна наглухо зашторены. Я подумал, что, когда в следующий раз найму людей убирать в доме, скажу, чтобы постирали все шторы.

Мама сидела перед телевизором, здоровенным, но тоже старым. Как раз перед Переменой сменили. И смотрела канал «Ностальгия», как делают все сбрендившие пенсы.

Шло телешоу, которого давным-давно не существовало. Веселый молодящийся ведущий расспрашивал маленькую девочку, кем она хочет стать. Девочка жеманно объясняла, что она уже и так звезда «Тик-Тока», а будет суперзвездой интернета. Смотреть на это было грустно, потому что никакого «Тик-Тока» давно нет, как и интернета. Если девочка выжила в Перемену, то ей трудновато было приспособиться.

Мать сидела в кресле, держа в руках красивый хрустальный бокал – тоже с прежних времен.

– Максимушка, – мама подставила щеку под поцелуй. – Будешь красненького? Тебе же можно немного вина, ты не за рулем?

В бокале была красная жидкость. Я знал, что это: разведенная сиропом водка. Мама делала вид, что это вино, но, может быть, она уже сама в это верила.

– Нет, спасибо, – сказал я. – Надо поработать. У меня… сессия.

Иногда мама думала, что я еще школьник. Чаще – что я учусь в институте, куда на самом деле так и не успел поступить. Порой, правда, у нее случались озарения, и она удивлялась: «Максимушка! Тебе же двадцать пять лет! Ты

должен был уже закончить институт!»

Тогда я говорил, что учусь в аспирантуре, и мама успокаивалась.

Но в этот раз уточнять не пришлось, мама сразу закивала:

– Конечно. Не надо тебе пить. Это вредно. А учеба – очень важно. Из тебя выйдет прекрасный дипломат.

Смотреть на маму было грустно. Она никогда не любила косметику, но за собой следила. А последние годы лицо у нее стало обрюзгшее, как у всех пьяниц… да к черту, у всех хронических алкоголиков!

– Я пойду, мам, – сказал я.

– Ты принес картошку? – неожиданно спросила мама.

– Да.

– Извини, что попросили о такой мелочи…

Я мог бы объяснить, что пакет настоящей картошки нынче – совсем не мелочь. Куда дешевле был бы здоровенный отруб стейка из мраморной говядины, потому что говядину в Комке легко синтезируют, и она как настоящая, а с картошкой проблемы и за нее берут дорого. Есть и несколько простых вещей, которых вообще не продают, хоть ты их рэдками засыпь, только руками разводят.

Приятно думать, что пришельцы чего-то не могут, но мне кажется, они просто издеваются над людьми. Или дрессируют нас, чтобы люди совсем не перестали заниматься сельским хозяйством и всяким производством.

– Хочешь, я пожарю… – Мама попробовала встать, но у нее не получилось, она чуть не расплескала бокал. Я подхватил его и поставил на журнальный столик. – Ох, что-то я уже сплю… Заходи завтра, я пожарю.

– Конечно, мама, – ответил я.

И ушел, оставив ее смотреть по сотому разу веселое шоу из прежних времен. Канал «Ностальгия» не зря популярен, у них там и новости свои, с новым звуком, наложенным на старое видео, и шоу, и сериалы. Если не смотреть в окна, то кажется, что вокруг обычная хорошая жизнь, как в две тысячи двадцатом или двадцать втором, а из всех проблем – только эпидемии и «рост международной напряженности».

Отец ждал меня у дверей. Молча протянул банку пива.

– Оставь себе, – сказал я. – Настоящее, из Комка.

– Нам с матерью хватает водки с сиропом, – ответил отец. – Не стоит портить продукт.

Я подумал и забрал банку.

– Они их синтезируют? – спросил отец небрежно. – Или какие-то старые запасы?

В отличие от матери, он понимал, какой мир за окнами. Только делал вид, что тоже выжил из ума.

– Думаю, что синтезируют.

– Ты-то как?

– Нормально, пап.

– Спасибо, Максим.

Мне было очень неловко. Я спросил:

– Мама давно из дома не выходила?

Отец кивнул.

– Может, вам как-нибудь прогуляться? Я такси закажу. До парка и обратно. Или в ресторан. Такой маршрут придумаю, что она ничего странного не увидит.

– Думаешь, кольцо вместо Луны не заметит? – спросил отец устало.

Честно говоря, я думал, что не заметит. Или убедит себя, что не заметила. Но я не стал спорить.

– Ладно. Я еще подумаю. Вы это… держитесь.

Отец кивнул, и я вышел. Торопливо, как выходят из больницы, где очень долго умирает близкий человек.

Ну, оно ведь так и было.

Спустившись на пару этажей, я открыл дверь своей квартиры. Поставил пиво в холодильник.

Спать было рано.

Раньше, во времена интернета, можно было найти любое развлечение в сети. Потрепаться в чатах, поиграть в сетевуху, посмотреть кино. Сейчас с этим труднее.

Хотя компьютер у меня есть, куча старых игр и видео на дисках тоже. Если уж совсем по-олдовому – можно бумажную книгу почитать. Я себе натаскал из родительской квартиры, да и от прежних хозяев много чего осталось.

Еще можно выпить пива, помимо сегодняшней банки у меня была заначена еще одна.

В итоге я пошел в кабинет бывшего хозяина квартиры, где держал одежду, кое-какие припасы, а еще поставил турник, гири, параллетсы. Разделся до трусов и принялся качать пресс. Так, из упрямства, чтобы не заниматься фигней.

Тренироваться совсем не хотелось, и когда в дверь позвонили – я это занятие радостно прекратил. Набросил халат и пошел к дверям. В домофон не звонили,

значит, это папа. Может, всё-таки решил выпить пива?

Я подумал, что с удовольствием выпью с ним по банке. Хотя, конечно, его сразу развезет, и он начнет вспоминать чудесные прежние годы…

Наверное, после визита к родителям у меня в голове что-то перемкнуло. Я даже в глазок не глянул. Сразу поднял засов и открыл.

Передо мной стояли жница Дарина и куколка Наська.

Я остолбенел.

Во-первых, от того, что консьерж меня не предупредил. Во-вторых, потому, что на дворе уже ночь, а ночью ни жницы, ни куколки не выходят. В-третьих, потому, что жители Гнезда вообще не ходят к людям в гости, ни днем, ни ночью.

Ну и, в довершение всего, они выглядели странно. У Дарины был порван рукав на левом плече – от локтя и до самой шеи. Кое-где чешуйки уже срослись, но в прорехе виднелась розовая незагорелая кожа, и это казалось очень неуместно. Контейнер с мутагенами Дарина поставила под дверь – наверное, даже жнице тяжело его таскать. Лицо было неподвижное, будто маска.

А Наська была перепачкана чем-то черным, особенно руки и лицо. Кровь или грязь? Или и то, и другое? Одного крокса не хватало, она стояла перекособоченная и тихо, беззвучно плакала.

– Ты сказал «заходи, если что», – произнесла Дарина. – Если что. Я зашла.

Она посмотрела на Наську и поправилась:

– Мы зашли.

Я отступил от двери, соображая, что же происходит. Спросил:

– А консьерж…

– Он уснул, – сказала жница. – Не волнуйся. С ним всё будет в порядке.

Дарина вошла, толкая куколку перед собой, потом втянула контейнер. Закрыла дверь, даже с засовом сама справилась. Снова посмотрела на меня.

– Мне надо идти. Можно, чтобы Наська побыла у тебя?

– Что случилось? – спросил я наконец.

Наська начала всхлипывать громче.

– Гнездо убито, – сказала Дарина. – Я пойду. Надо понять, что произошло. Можно оставить девочку у тебя, в безопасности?

Я ошарашенно потряс головой.

Что?

Гнездо убито?

В центре Москвы убили две сотни Измененных?

– Максим, можно…

– Да замолчи! – прикрикнул я, соображая, что делать. – Так… сейчас… стойте здесь!

Я метнулся в свой «спортивный кабинет». Торопливо натянул свежие джинсы, рубашку. Открыл сейф и достал макаров. Разрешения на ношение оружия у меня не было, но я не идиот – выходить ночью без ствола. Лучше пусть оштрафуют.

Застегивая кобуру под мышкой, я вернулся к двери. Набросил ветровку. Сказал:

– Наську мы оставим, но не у меня. Я пойду с тобой.

– Ты со мной не пойдешь, – покачала головой Дарина.

– А спорим, пойду? – спросил я. – Спорим, ты на это и надеялась, когда сюда шла? Иначе придумала бы, где куколку оставить.

Дарина сдалась сразу.

Конечно же, она на это надеялась.

Глава третья

Со жницей идти по ночной Москве было не страшно. Не подумайте, я и так бы не испугался, доводилось и в компаниях гулять, и в одиночку шастать. Но жница – это жница. Надо быть совсем отмороженным, чтобы на нее полезть.

Хотя жница без Гнезда – это что-то непонятное.

– Рассказывай, что случилось, – сказал я. Мы быстро шли по Тверскому бульвару, тут идти-то всего ничего. Я подумал на миг, не заглянуть ли в кафе, не позвать ли кого-нибудь из ребят. Но решил, что Дарина вряд ли одобрит.

– Мы пришли к Гнезду, – сказала Дарина. – Когда приближались, я почувствовала… – Она замялась. – Точнее, наоборот – не почувствовала. Мы ощущаем Гнездо. Это как… – Она взмахнула рукой, смешно подергала пальцами, будто человек, которого попросили объяснить слово «зыбь». – Как вибрация. Ее не было.

Я не стал уточнять. Про Измененных говорили всякое, ходили слухи даже про телепатию. Но они ничего не рассказывали. Люди тоже ощущали Гнездо, только нас оно отталкивало.

– Я напряглась, – продолжала Дарина. – Пошла вперед, велела Наське быть потише. Еще там не горели фонари, совсем, это странно. И метрах в пятидесяти от Гнезда, на задах театра, увидела лежащую стражу. В боевой трансформации… Ее звали Зи…

Она замолчала на миг.

– Ее перерубили почти напополам. Бил левша – левая рука отсечена выше локтя, тело перерублено в районе груди, и позвоночник тоже. Она еще была в сознании, но ничего сказать не смогла.

Я попытался представить себе стражу, которой разрубили позвоночник, легкие, сердце, но она «еще была в сознании». Бр-р…

– А почему «левша»? – спросил я.

– Чтобы разрубить костюм и саму стражу – нужен сильный замах, – ответила Дарина. – Значит, оружие было в левой руке.

– Или враг был спереди.

– Спереди никто не сумел бы ударить стражу, – убежденно сказала Дарина.

– А твоя… рана?

Дарина мельком глянула на руку. Костюм уже почти сросся.

– Это Зи, случайно. Она правой рукой пыталась меня к себе наклонить, хотела что-то сказать. Зацепила когтем.

Когда стражи не сражаются, у них никаких когтей нет. Но я слышал, что они могут их выпускать. Значит, и впрямь.

– Хорошо, что без яда, – небрежно добавила Дарина.

– С Наськой-то что? Где перепачкалась и обувь потеряла?

– Вырывалась, не хотела Зи бросать, – призналась Дарина. – Я ее еле утащила, под мышкой волокла. Едва убедила, что надо к Гнезду идти.

– И что в Гнезде?

– Я не входила. Посмотрела – у входов нет охраны, чуть-чуть пахнет… нехорошо. Никакого движения или звуков.

– И нет этой… вибрации?

– Нет. Значит, все мертвы.

Нам оставалось идти несколько минут. Мы миновали ресторан, где у входа ждали богатеньких гуляк машины с охраной. У одного дома, у подъезда, мужик выгуливал собаку – отважный чел. Впрочем, он от двери не отходил дальше пары метров и при нашем приближении сразу потащил пса в подъезд.

– И ты даже не заглянула внутрь?

– Максим, – Дарина покачала головой. – Со мной ведь была Наська!

Я ее прямо зауважал. Такая беда случилась, а она о девочке беспокоится!

– Возможно, она последняя куколка нашего Гнезда, – продолжала Дарина. – Последняя, кто сможет пройти изменение в мать, у нее есть потенциал. В такой ситуации задача любой жницы или стражи – обеспечить безопасность куколки, а уже потом выяснять ситуацию.

– А если в другое Гнездо пойти? – спросил я. Всё-таки в Москве было одиннадцать Гнезд Измененных…

– Куколку могли бы и взять, – задумчиво сказала Дарина. – А меня нет, я жница. Меня бы сожрали.

– Что, серьезно?

Она усмехнулась.

– Может, и несерьезно… давай тише, раз пошел. И держись за мной.

Я и не собирался геройствовать и бежать впереди жницы. Может, я и безбашенный, раз вообще с ней пошел, но не настолько.

Гнезда появились через месяц-другой после Перемены. Вначале Инсеки сообщили людям, как теперь жить. Ну, про то, что мы разбалансировали экологию, сами виноваты в пандемиях, к тому же ужасно воинственны, но они всё-таки хотят дать нам шанс. Всем желающим через местные правительства раздали универсальную вакцину. Хорошая штука оказалась, на самом деле. Кто не поверил и не стал прививаться – по-прежнему заражались и умирали. А остальные избавились от всех вирусных болезней. И от ковида, всех шести основных штаммов, и от флай-эболы, и от коронарной гнили. А заодно от гриппа, герпеса, бешенства, гепатита, СПИДа… Инсеки сказали, что это их подарок человечеству.

Но мы, люди, такие существа, нам палец в рот не клади. Только что пришельцев боялись и ненавидели, а теперь им стали поклоняться. И требовать даров, как от любого бога. Чтобы они всех накормили, чтобы вылечили рак, геморрой, облысение и прочие болячки. Инсеки терпеливо объяснили, что это уж слишком, даже для них. И вообще люди пока не заслуживают таких подарков. Но, исходя из соображений доброты и любви ко всему живому, Инсеки дали мутаген, который можно было вводить больным детям. Те от всего исцелялись, только дальше росли не совсем людьми. Куколки-то еще ничего, поначалу некоторые даже жили вместе с родителями, словно обычные дети. А вот на второй, на третьей фазе – уходили, собирались вместе, строили Гнездо. У них теперь была своя жизнь. Не такая, как у людей, не такая, как у Инсеков. Правительства делали вид, что Измененные – по-прежнему обычные граждане, но все понимали, что это не так.

Жуть, с одной стороны.

А с другой, будь я умирающим ребенком, а мне вдруг предложили измениться?

Да я бы ни секунды не сомневался!

Мы свернули с Тверского, немного не дойдя до ресторана «Пушкинъ». Это самый старый московский ресторан, он был и до Перемены, и вообще, наверное, всегда. Когда я был мелкий, то мы ходили туда семьей. Но сейчас он такой дорогой, что у меня и мысли не возникает туда пойти. Вот родителей бы сводил, там же

ничегошеньки не изменилось…

Бульвар, пусть и малолюдный по ночному времени, жил своей жизнью. Но стоило сойти с него к Гнезду – всё сразу стало заброшенным и грязноватым. Измененным всё равно, что там, снаружи. А люди не очень-то любят бывать у Гнезда. Может, мы и не слышим эту «вибрацию», но какое-то неуютное ощущение возникает.

Сейчас, кстати, его не было.

Гнездо занимало здание министерства и еще несколько соседних, к которым перекинуло сплетенные из серых паутинных нитей туннели. Некоторые шли по земле, некоторые нависали на уровне второго-третьего этажа, с виду легкие и хрупкие, а на самом деле очень прочные. Паутинный шелк в ходу и у самих Инсеков, и в Гнездах его вырабатывают, даже продают людям. На первый взгляд, ничего необычного в паутине нет, полимерные нити бывают и покрепче. Но паутина восстанавливается – примерно как одежда у Измененных, только медленнее. Если клочок оторвался и куда-то прилип, то его очень трудно уничтожить. Вон, памятник рядом с Комком уже много лет стоит обросший. Вначале паутину пытались отскоблить, обливали памятник хлоркой и кипятком, потом бросили это занятие. Восточный человек постепенно обрастает, становится похожим на Деда Мороза, с бородой и в шубе. Потом приходит кто-нибудь умный с хорошими ножницами, стрижет паутину и продает мастерам, которые из нее шьют одежду. На вид она скучная, ее очень трудно покрасить, зато если порвешь – через несколько дней дырка зарастает. Рабочие это очень ценят. А на детях паутинная одежда постепенно растягивается. Маугли в таких трусах мог бы бегать по джунглям от младенчества и до совершеннолетия.

Само здание, забор и деревья вокруг тоже были покрыты паутиной, где-то реже, где-то плотнее. Может, это для чего-то и нужно Гнезду, но мне кажется, случайные обрывки прицепились и разрослись, а Измененным все равно.

Ничего ужасного снаружи не было. Никаких разрезанных тел, убитых стражей, следов боя. Разве что… Дарина не ошиблась, едва-едва пахло горелым.

Я вдруг подумал, что Дарина с Наськой вряд ли отсутствовали в Гнезде больше часа. Сколько времени-то ушло, чтобы дойти до Комка, получить заказанный товар, поболтать со мной и вернуться? Да нет, меньше. Полчаса! И вот за эти

тридцать минут кто-то в центре Москвы уничтожил двести Измененных? Без тяжелой техники и вооружения (а иначе и разрушений было бы больше, и народ в сотне метрах не пьянствовал бы).

Пришла толпа бойцов с мечами и порубила всех? Никогда не поверю. Даже мелкая куколка сможет побить взрослого мужика, что уж про жниц и стражей говорить!

– Дарина, ты уверена, что все погибли? – спросил я.

– Я их не чувствую, – ответила жница.

И я наконец-то уловил в ее голосе эмоции. Да она на взводе была, едва не кричала! Просто у Измененных со второй фазы чувства не сильно-то проявляются.

– Давай посмотрим, – быстро сказал я. – Вдруг есть живые?

– Держись за мной, – повторила Дарина. И пошла к входу.

Здесь забора не было, зато паутина наросла огромными клоками, похоронив под собой бетонные стены. Сквозь нее едва-едва золотились буквы «МИНИ… КУЛЬТ… СИЙ… ОЙ…» и краешек герба. Стеклянная стена и двери оставались чистыми, к стеклу паутина липла плохо. Изнутри шел слабый свет.

– Мы войдем, – сказала Дарина. – Если я скажу «беги» – ты убегаешь, не задерживаясь. Позови помощь от людей.

– Ладно.

Я уже говорил, что не собираюсь быть героем?

Но пистолет я все же достал. Дарина искоса на него глянула, но ничего не сказала. Подошла к дверям, медленно приоткрыла. Вошла.

Я за ней.

Внутри паутины не было, но вряд ли фойе министерства выглядело так в старые времена, когда тут развивали культуру. Стены сплошь покрыты коврами, самыми разными, как лоскутное одеяло! От пола до потолка! Паркетный пол тоже закрывали ковры, от самых простеньких и до огромных, роскошных на вид. Откуда только натаскали? И зачем?

Мебели тут не осталось никакой. Здоровенный зал сложной формы превратился в мягкую затейливую шкатулку. Только потолок с хрустальными люстрами выглядел строго и официально, хотя все блескучки на люстрах давным-давно покрылись слоем пыли. Лампочки горели через одну… в общем, с улицы и то света было больше.

Пахло пряным и терпким, от Измененных порой чувствуешь такой запах. Наверное, так пахнет само Гнездо. Но было и еще что-то… неприятное…

Я вначале никого не заметил. Но Дарина быстро шагнула вперед, наклонилась – и я увидел распластавшуюся на ковре жницу. Ее черный костюм почти слился с темным ковром.

А может, ковер и не был раньше темным – до того, как впитал кровь. Жнице отрубили руки и голову. Судя по тому, как аккуратно лежали части тела, вначале заставили опуститься навзничь или прижали к полу, а потом заживо расчленили…

Я отвернулся, смотреть на это не хотелось.

И увидел еще одну Измененную – куколку, чуть старше Наськи. Тоже зарубленную, я не стал приглядываться к деталям.

Дарина вернулась ко мне. Лицо ее совершенно ничего не выражало, но голос дрожал.

– Четверо. Двое стражей, жница и куколка, – сказала она. – На входе дежурили трое стражей, третья была та, что я нашла в переулке.

Я двух убитых стражей не заметил, но любопытствовать не стал. Спросил:

– Неужели третья так испугалась, что бросила Гнездо и убежала?

Дарина покачала головой:

– Нет. Она знала, что я с Наськой ушла за мутагеном. Побежала в нашу сторону, чтобы предупредить. Это значит, она понимала, что Гнездо обречено.

Ладонь, в которой я сжимал пистолет, вспотела. Чем тут может помочь оружие? Разве что застрелиться – это, наверное, не так больно, как быть изрубленным на части.

– Пойдем дальше? – спросил я.

– Жди здесь, – сказала Дарина. – Если услышишь шум или кого-то заметишь – убегай к людям. Я сама пойду дальше. Умеешь отсчитывать время?

Я поднял руку, продемонстрировав часы. Старые, электронные. Без ушедших в прошлое мобильников они мало что могли, но циферблат светился, а это всегда удобно.

– Двенадцать минут, – кивнула Дарина. – Потом уходи. Найди полицию и позови.

– Может, лучше ваших? – спросил я.

Глаза у Дарины расширились.

– Каких… наших?

– Из другого Гнезда.

– Нет! – сказала, будто выплюнула, Дарина.

И быстрым шагом ушла к лестнице на второй этаж. Я постоял, глядя вслед.

Ну да. Похоже, я дурак.

Кто мог быстро и бесшумно перерезать толпу Измененных?

Только другая толпа Измененных.

Я никогда не слышал, чтобы Гнезда враждовали между собой. Чего им делить-то? Каждое Гнездо окучивает тот или иной район, но Москва большая, а больных детей, увы, хватает. Они и берут-то не всех, а только самых безнадежных. Лет до двенадцати обычно, до начала полового созревания. То ли потом мутагены не работают, то ли психика не выдерживает, деталей я не знаю, а может, и никто не знает. Говорят, только очень редко Гнездо принимает подростков лет пятнадцати-шестнадцати.

Так что самые старые Измененные младше меня. Хотя, глядя на монаха или старшую стражу, этого не скажешь.

Может, они доросли до междоусобных войн?

Или мозги у них стали совсем набекрень?

Я поежился.

А что, если Измененные примутся на людей бросаться? Нет, их задавят, конечно. Против автоматного огня в упор не выстоят.

Но крови будет много.

– Вот мало нам забот! – сказал я. В обтянутом коврами помещении голос был едва слышен.

Я всё-таки подошел к мертвой куколке. Судя по разрубленной спине – умерла сразу. В лицо я заглядывать не стал, но мне показалось, что когда-то это был мальчишка.

Потом я еще походил немного и нашел стражей. Тут понять было сложнее, но вроде как у одной стражи при жизни был кадык. Наверное, юноша, хотя значит ли это для Измененных хоть что-то?

Обе стражи погибли, сражаясь. Из пальцев на руках выдвинуты длинные кривые когти, да и позы были такие… словно они кого-то вместе атаковали.

Атаковали-атаковали, да не выатаковали.

Одной всю грудь истыкали, комбинезон почти зарос, но следы оставались. У второй шея была перерублена до позвоночника.

Я отошел, гордясь, что меня не стошнило. Теперь я чувствовал слабый сладковатый запах крови.

Ужас какой.

Всё-таки зря я сюда сунулся.

Если что-то со мной случится – что будет с родителями?

Потянуло на приключения дурака!

Я глянул на часы – прошло десять минут. Еще две, и можно уходить.

По-прежнему сжимая пистолет, я отошел поближе к двери. Сейчас мне даже хотелось, чтобы Дарина не вернулась. Нет, конечно, пусть с ней всё будет хорошо. Пусть она задержится оттого, что осматривает Гнездо. Или, лучше, спасает выживших. Каких-нибудь куколок, спрятавшихся под кровати… они ведь спят на кроватях? Черт возьми, они вообще спят? Короче, спасает. И ей не до меня. Я сейчас выйду, пистолет закину на крышу фойе, фиг там кто-то будет искать. Дойду до ресторана, там наверняка есть полицейский или частная охрана. Объясню, что услышал крики из Гнезда… нет, лучше, что в переулке увидел труп.

И пусть официальные лица приходят сюда, разбираются, что к чему.

Секундная стрелка томительно медленно завершала последний круг. Я честно дождался, когда истекли двенадцать минут. Была четверть двенадцатого ночи.

Всё, пора уходить.

– Максим!

Дарина спускалась по лестнице. Быстрым шагом, но не бежала.

– Ну что там? – спросил я. Приглушать голос, похоже, нужды не было.

– Мы с Наськой последние, – просто ответила Дарина.

Вся та нервозность, что в ней угадывалась, куда-то исчезла. Она была собранная, даже выглядеть стала старше. Я заметил, что в тусклом свете ее глаза поблескивают сиреневым. Это было завораживающе и красиво.

– И что теперь? – спросил я, не скрывая облегчения. Кто бы ни убил Гнездо, их тут уже нет. Я проявил героизм и благородство, но не поплатился за это. Будет о чем рассказать в компании!

– Теперь… – Дарина замолчала, прикрывая лицо рукой. С улицы ударили мощные пучки света. Я осторожно повернулся, у меня даже между лопаток зачесалось. И не зря! Перед входом толпились люди в форме, десятка два. За их спинами угадывался то ли автомобиль, то ли броневичок, с которого светили два ослепительно-ярких прожектора. Мы были как рыбки в аквариуме. Щурясь, я разглядел, что некоторые силовики присели на одно колено, выставив в нашу сторону оружие, явно готовые открыть стрельбу.

– Внимание! Это полицейская операция! Бросайте оружие и выходите с поднятыми руками! – донеслось с улицы так громко, что стекла задребезжали.

Я послушно разжал пальцы, роняя пистолет. Угораздило же его взять!

– Молчи, я буду говорить, – сказала Дарина, обходя меня и открывая дверь.

Конечно же, я не спорил. Дарина вышла, замерла на площадке перед дверью. Руки она не подняла, кстати.

Шагнув за ней, я из какого-то упрямства хоть и поднял руки, но не полностью, как в кино, а лишь согнув в локтях. Будто собирался поприветствовать полицию.

Глава четвертая

Как же снаружи слепило глаза! Нас держали в круге света, а что куда хуже – еще и под прицелами.

– Лечь на землю! Руки на виду! – рявкнул мегафон, и звук заметался по переулку.

Дарина выждала несколько секунд, пока стихло эхо, потом неожиданно громко ответила:

– Я Дарина, хранитель Гнезда. Кто старший среди вас, люди?

Она как бы сразу провела грань, и полицейские смешались.

Потом к нам двинулась кряжистая широкоплечая фигура. В матовом непрозрачном шлеме, в пластиковой броне, не в обычной полицейской, а в какой-то хитрой, с утолщениями на суставах. Силовая, что ли? Как у сил специальных операций?

Визор шлема сдвинулся вверх, одновременно прожекторы чуть сместились, прекращая нас слепить. Часто моргая, я рассмотрел полицейского – немолодой мужчина с щетинистым подбородком, со шрамом на щеке. Морда каменная, словно у Измененных.

– Полковник Лихачев, отдел «Экс». Хранитель этого Гнезда – Анна Цой.

Он помолчал, вглядываясь в Дарину.

– А ты – жница Дарина Мельникова.

Точно! Фамилия у Ростика была Мельников. Ничего себе подготовка у полковника, он что же, всех в Гнезде знает по именам и фамилиям?

– Я хранитель Гнезда, – повторила Дарина. – Хранитель Анна мертва.

– И почему я должен поверить?

– Потому что ни одна жница не назовется хранителем, если им не является, – ответила Дарина.

Полковник Лихачев размышлял. Потом спросил:

– Что у вас случилось?

– Небольшое недоразумение, – ровным голосом ответила Дарина. – К сожалению, даже у нас случаются конфликты, приводящие к печальным последствиям. Несколько наших погибли. Это печально, но не должно вас волновать. Мы уладим свои проблемы.

– В переулке труп убитой стражи, – сказал полковник. – Зинаида Кириллова.

Как-то странно было слышать нормальные, человеческие имена и фамилии, когда речь шла об Измененных. На имена-то они поначалу откликались, хотя обычно сокращали или коверкали их, но фамилии игнорировали напрочь.

– Да, – согласилась Дарина. – Хорошо, что вы ее обнаружили.

Она на миг запнулась, потом продолжила:

– Вы можете забрать тело. Гнездо не будет настаивать на его возвращении.

По дрогнувшему лицу полковника я понял, что Дарина только что бросила ему очень и очень соблазнительную наживку.

– Что это значит? – осторожно спросил полковник.

– Она исторгнута, – сказала Дарина.

– Это она убила хранительницу? – предположил полковник.

– Гнездо не дает комментариев, – ответила Дарина холодно.

Полковник мялся. Ему явно хотелось свернуть операцию, забрать своих людей и мчаться за наградами и премиями. Вряд ли в распоряжении властей есть много тел Измененных, уж тем более – стражей в боевой трансформации. Сейчас по всей Москве начнут вытаскивать из постелей ученых и врачей, а к утру тело несчастной Кирилловой уже просветят всеми рентгенами, разрежут на кусочки и осмотрят под микроскопами.

Черт, гадость какая. Даже представлять не хочется.

– Как себя чувствует уважаемая мать Гнезда? – спросил полковник. На этот раз он обошелся без имени. Не знал, кто мать?

– Она очень расстроена и готовится отойти ко сну, – сказала Дарина.

Полковник чуть прищурился, а я понял, что Дарина говорит о Наське. И одновременно – что это еще одна ее подачка. И «расстроена», и «готовится отойти ко сну».

Выходит, отдел «Экс» тоже мало что знает?

– А это кто? – Лихачев кивнул на меня.

– Это Максим, – небрежно сказала Дарина. – Он пользуется полным доверием матери и призван мной для расследования инцидента.

Я прям чувствовал, как полицейский буравит меня взглядом.

– И как фамилия Максима? – спросил Лихачев.

– Воронцов. У вас еще остались вопросы?

Удивительно, она и впрямь помнила мою фамилию! С одной стороны, обидно, что назвала, а с другой… разве это помешало бы полиции узнать, кто я?

– У Максима Воронцова был в руках пистолет, – сказал Лихачев.

– У него был в руках предмет, похожий на пистолет, – поправила Дарина. – Но я бы попросила вас выдать ему разрешение на ношение оружия.

Полковник аж поперхнулся от такой наглости.

Но Дарина добавила, как припечатала:

– Это просьба Гнезда. Он пользуется доверием матери.

Полковник постоял, размышляя. Потом кивнул. Махнул рукой – и прожектора угасли.

– Могу ли я узнать, почему вы приехали? – спросила Дарина.

– Анонимный звонок, – коротко ответил Лихачев, спускаясь с лестницы.

Полицейские стали уходить куда-то в стороны. Броневик – это действительно был приземистый полицейский броневик, такие нечасто увидишь на улицах, – мягко заурчал мотором и уехал следом.

Прошла минута – и словно никого тут не было.

Я посмотрел на лунное кольцо. Среди полосы пыли плыла Диана, второй по величине осколок Луны. Становилось светлее.

– Идем, – Дарина пошла обратно. Я за ней. В фойе подобрал пистолет, спрятал в кобуру. Интересно: мне и впрямь выдадут разрешение на оружие?

– Спасибо, ты меня выручила, – сказал я. – Думал уже, что сейчас мордой в грязь уронят…

Я осекся.

Дарина рыдала. Тихо, беззвучно, застыв, как столб. Люди, когда плачут, стараются к чему-то прислониться. Наверное, потому, что плачущий – он беззащитен, он нуждается в опоре. А она стояла, будто столб, и тихо ревела.

– Дарина… – сказал я неловко.

– Зи… – прошептала Дарина. – Зи, прости меня… Я же ее оболгала, Максим! Я ее назвала исторгнутой! Словно она убила хранителя… ее будут препарировать… как… как животное… как… как диковинку…

– Вы были подругами? – спросил я и осторожно тронул Дарину за руку. Кожа жницы и впрямь оказалась слишком гладкой и скользкой, будто покрытая тефлоном. Но теплой. Живой.

Интересно, она меня не порвет на кусочки за прикосновение?

Она не порвала. Прижалась лицом к плечу и зарыдала громче. Сквозь слезы сказала:

– Мы все подруги… были…

Я неловко погладил ее по спине.

Глупо получается. Вроде девушку успокаиваешь, а на самом деле – Измененную. А еще ее груди упирались в меня, и казалось, что у нас обнимашки, а дальше всё будет по обычной программе…

От этой мысли мне стало стыдно и противно. Она же не человек! Вокруг полно мертвецов!

– Всё будет хорошо, – сказал я. – Ты жива, и Наська жива…

Дарина вздрогнула под моей рукой. Мрачно сказала:

– Это пока… И тебя я подставила. Ляпнула с перепугу. Лучше бы… мордой в грязь.

– Почему? – не понял я.

– Я же сказала полковнику, ты не услышал? Ты призван.

– И… что?

Дарина отстранилась и удивленно посмотрела на меня. Глаза ее мерцали глубоким сиреневым светом.

– Это не шутки, Максим. Это так просто не отозвать. Ты теперь почти в Гнезде. Пока не выполнишь миссию. Извини, пожалуйста. Я перепугалась…

Я стоял, хлопая глазами и пытаясь осмыслить, во что ввязался.

К полуночи на улице стало совсем безлюдно. Лишь от «Пушкина» доносились веселые голоса и с хлопаньем взлетали в воздух фейерверки. С ревом промчались два мотоцикла, на втором, за пилотом, сидела хохочущая девушка в длинном вечернем платье. Выглядело это безумно, но весело. Золотая молодежь отдыхала.

Я подумал, что, если бы не Перемена, и отец остался бы в своем министерстве, то и я бы здесь чилил, а не бродил вечерами по Москве в поисках кристаллов. Но что жалеть о несбывшемся? Я хороший серчер, а теперь еще, даже подумать смешно, призван Гнездом!

Дарина велела мне прийти днем, часа в три. Я подозревал, что всю ночь она будет собирать по Гнезду тела погибших подруг и друзей. Тяжелая работа, даже физически, но напрашиваться в помощники я не стал. Да и она не просила. Наверное, в Гнезде было много того, что мне видеть не полагалось.

Полицейский пост стоял на углу с Тверским. Два человека в броне, с короткими автоматами на груди. Меня проводили внимательными взглядами, но останавливать не стали. Значит, полковник, хоть и убрал свою маленькую армию от Гнезда, но наблюдение оставил.

– Доброй ночи, – сказал я, проходя мимо полицейских.

Мне, конечно, не ответили. Люди на службе.

Шел я не торопясь, если захотят догнать – все равно догонят. Вся моя защита была в словах Дарины: что я призван и что мне доверяет мать. И только у здания ТАСС навстречу мне вышел мужчина со шрамом на щеке. Без брони, в обычном костюме, полковник Лихачев выглядел совсем не впечатляюще. Не такой уж и высокий, грузный, хотя и чувствовалось: грузность от мышц, а не от жира.

– Добрый вечер, Максим, – сказал он. – Можем мы поговорить?

Спорить смысла не было. А то еще предложит разговор в другом месте.

– Только недолго, – попросил я. – Спать хочу.

Лихачев взял меня под руку, у него это вышло как-то естественно, словно он был добрым дядюшкой, взявшимся наставлять житейским мудростям непутевого племянника. Повел через дорогу. Там, посреди бульвара, у памятника Тимирязеву, стояли скамейки.

– Все спать хотят, – вздохнул он. – Я тоже уже лег, когда выдернули… Мы недолго посидим, поговорим.

– Угу, – смирился я.

– Ты хороший парень, из хорошей семьи, – продолжал Лихачев. – Папа твой – уважаемый человек… ну, воровал, конечно, тогда время такое было, но без наглости, иначе бы просто коллеги не поняли. Знаешь, он ведь до сих пор в министерском резерве числится! Замминистра, конечно, уже не станет, возраст. А вот отдел могут и дать.

– Это вы сильно зашли, – похвалил я, садясь на скамейку. – С козырей!

– Кто же на первом ходу кладет сильные карты? – удивился Лихачев. Сел рядом, потер переносицу. – Ты мне расскажешь, что на самом деле случилось в Гнезде?

– Жни… то есть хранитель все сказала.

– Ясно, ясно… Давно ты с ней контакт поддерживаешь?

– Она сестренка моего друга, – уклонился я от ответа, сказав то, что он и так наверняка уже знал.

– Очень человечная, правда?

– Ну… они же все изначально люди, – опять туманно высказался я.

Лихачев вздохнул.

– Давай откровенно, Максим? Я люблю по-хорошему. Ты – нормальный парень, даже удивительно. Закон почти не нарушаешь… ну, налоги чуть-чуть… ствол хранишь… это мелочь. Но мне нравится, что ты помогаешь родителям, волонтером работаешь, дрянью всякой не балуешься. Неужели хочешь до старости лет по улицам в зеркалках ходить? Учиться не думал?

– Кому сейчас нужны дипломаты?

– Во-первых, всё равно нужны, – сказал Лихачев наставительно. – Во-вторых, ну собирался ты, будучи дитем малым, поступать в МГИМО, ну и что? Есть другие профессии.

– Например, полицейский, – глядя на плывущую в лунном кольце Диану, сказал я.

– И это тоже, – кивнул Лихачев. – Ты меня не подначивай, я тебя не агитирую к нам идти. Но если надумаешь поступать… да хоть бы и на свои международные отношения… поможем. Да! – Он так оживился, будто эта мысль только что пришла ему в голову. – А как насчет особого факультета?

– Межзвездной дипломатии? – усмехнулся я.

– Официально он называется «общечеловеческой», – поправил Лихачев. – Как думаешь?

– Туда хрен поступишь. Даже ваших возможностей не хватит, у действующих министров тоже дети есть.

– Но не все они заслужили доверие Гнезда, – усмехнулся Лихачев. – Это, друг мой, огромное преимущество!

Я с удивлением подумал, что он прав.

И это значит… значит…

Я могу оказаться среди тех немногих, кто сможет покинуть Землю? Побывать в мирах Инсеков, Продавцов, прочих? Узнать, как и что там, в небе, на самом деле?

– А вот это козырь, – признал я.

Лихачев тихонько рассмеялся:

– Ты молодой, здоровый, без вредных привычек, способный к языкам, благонадежный… Ты ведь благонадежный, Максим?

– Да, – сказал я.

Неужели это всегда так просто происходит? Не успел опомниться, а тебя уже завербовали!

Или еще нет?

– Я действительно мало что знаю, – сказал я.

– В Гнезде много погибших? – спросил Лихачев небрежно.

– Четверо, – сказал я. – Своими глазами видел.

Если Лихачев и понял, что ответ двусмысленный, то давить не стал.

– И что считает хранитель?

– Мне не докладывала, – мрачно ответил я. – Но беспокоится, не стояло ли за нападением другое Гнездо.

Лихачев наклонился вперед, ссутулился, с минуту помолчал, размышляя.

– Эх… будь всё как раньше. Камеры на каждом метре, каждый шаг в центре отслежен… еще и мобильники у всех, каждый сам себя светит… Другое Гнездо, говоришь? Тоже об этом подумал. А первая мысль – обычно неправильная. Что собираешься делать?

Я помолчал. И, собравшись с духом, сказал:

– Простите. Но вряд ли я могу вам рассказывать.

Лихачев вздохнул. Пробормотал:

– Так и предполагал… Все вы, призванные, такие… Видишь Диану, Максим?

– Вижу, конечно.

– Это двадцать процентов массы Луны. Еще сорок – Селена. Еще тридцать – пыль и мелкие астероиды лунного кольца. Куда делось десять процентов лунной массы? Как Инсеки сумели за несколько часов превратить наш спутник в кольцо и два малых спутника? Да еще и на стабильных орбитах? Селена и Диана пылесосят орбиту, но ближайшие десять тысяч лет над Землей будет именно кольцо с двумя спутниками.

– А я его иногда называю лентой, – сказал я.

– Почему?

– Ну, если кольцо, как у Сатурна, то оно лежит в одной плоскости, всё дальше и дальше от планеты. А лунное кольцо повернуто к нам не боком, а внутренней стороной. Как ленточка… на подарке.

– Или как кольцо на пальце невесты, – не согласился Лихачев. – Лучше уж быть невестой, выданной замуж против воли, чем подарком в коробочке с ленточкой… А знаешь, что самое обидное? Мы не знаем, зачем Инсеки это сделали. Они не отвечают. Говорят: «Для вашего блага».

– А я слышал, что Луна негативно влияла на людей. Что от лунных фаз зависели перепады характера.

– И женский цикл, – усмехнулся полковник. – Много чего говорят, но никто не знает. Они что-то забрали с Луны? Решили показать свою мощь? Сделать Землю похожей на родную планету? Никто не знает… Мы ведь поначалу обрадовались появлению Гнезд.

– Потому что умирающие детишки спасались? – спросил я со скепсисом.

– В задницу спасение детишек такой ценой! – резко ответил Лихачев. – Нет! Мы понимали, что это будут уже не люди. Но надеялись, что они станут мостом между людьми и пришельцами. Не вышло. Пока они маленькие – вроде как обычные. А потом раз… и всё. И знать они нас не хотят.

Я не спорил. О чем тут спорить-то.

– Поэтому те, кто сумеет наладить отношения с Измененными, нам очень важны, – продолжал Лихачев. – Ты важен. Мы связаны по рукам и ногам кучей негласных соглашений – с Инсеками, с Продавцами, с Измененными. Когда все ядерное оружие превратилось в мусор, нам ясно дали понять, кто теперь хозяин. Но потрепыхаться-то хочется…

Он воровато огляделся, потом достал из кармана пачку сигарет и зажигалку. Раскурил сразу две и протянул одну сигарету мне.

– Фу, – сказал я.

– Будь добр, подержи зажженную, – сказал Лихачев. – Хочу покурить, но если за нами наблюдают, то оправдаться смогу лишь необходимостью наладить с тобой контакт. Нам потому и выдают сигареты – для налаживания отношений с опустившимися элементами.

Мне пришлось взять в руки сигарету и терпеть вонючий дым.

Значит, даже полковник отдела «Экс» не знает, следят ли за нами.

– Разрешение на оружие тебе дадут, – сказал Лихачев. – Ты вроде ходил иногда в тир… позанимайся серьезнее. Ничего нет глупее огнестрельного оружия, если ты не умеешь или не готов его применить. Пропуск я тебе тоже сделаю, чтобы в ночное время патрули не придирались. Простенький пропуск, внештатного консультанта, но пройти кое-куда поможет, и разговорить человека будет проще. Денег не обещаю. Могу, но наша бюрократия будет две недели бумажки оформлять, а ты вроде парень не бедный… Если что – звони. Опять же, помощи не гарантирую, но вдруг что-то подскажу.

– И что я за это буду должен? – спросил я.

– Да ничего, – Лихачев глубоко затянулся. – Твою ситуацию понимаю, я бы и сам с Гнездом не ссорился. Просто помни, что ты – человек.

– Помню, – обиделся я.

– Вот и не забывай.

Я поднялся. Спросил:

– То есть я могу идти?

– Иди, – досасывая свою отраву, сказал Лихачев.

Что говорить, я легко отделался.

Даже не завербовался.

Я же не завербовался, точно?

То, что меня призвали на службу Гнезду, не делает меня Измененным. А пропуск «внештатного консультанта» не превращает в полицейского.

Полковник Лихачев вроде как мужик не говнистый. Начал разговор жестко, но потом заговорил по-человечески.

Или они все так работают?

В общем, к дому я вернулся в мрачных раздумьях. Пять часов назад я вышел из дома купить картошку и подсолнечное масло.

А теперь – пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю, что…

Заспанный консьерж открыл не сразу. Он беспробудно дрых, когда мы выходили с Дариной, и, похоже, только сейчас проснулся. Уж не знаю, что с ним сделала жница, но ее визит он явно не помнил.

Значит, можно надеяться, что и всезнающий полковник отдела «Экс» не подозревает, что нынешняя мать Гнезда – в квартире моих родителей.

Глава пятая

Спал я крепко и встал в девять, когда запищал будильник. Быстро принял душ, вода шла едва теплая, но в нашем нынешнем климате это не важно. А потом оделся и поднялся к родителям.

Открыл отец. Выглядел он уже не столь ошарашенным, как вчера, когда я впихнул им в дверь Наську. К тому же был выбрит, ну и не в семейных трусах с футболкой, как обычно.

– Всё нормально? – спросил я.

Отец молча посторонился, сказал:

– На кухне.

Судя по тону, на кухне могло быть всё, что угодно. К примеру, Наська, сидящая под столом, держащая перед собой самый здоровенный нож и скалящая острые, как у акулы, зубы. Ну а кто их знает-то, Измененных?

Я быстро прошел на кухню, откуда доносился тонкий голосок, и остановился в дверях. Вначале мне показалось, что на стуле, болтая ногами, сидит какой-то незнакомый мальчишка в подозрительно знакомой пижаме. Потом я понял, что это куколка, только отмытая, причесанная и одетая… да это же моя детская пижама! С мальчиком Финном и собакой Джейком!

Родители что: ее не выкинули?

Мама стояла у плиты и выглядела, честно говоря, вполне прилично, только лицо было отечное. Ну неудивительно, если бухать несколько лет без перерыва… Она мешала что-то в кастрюльке, судя по запаху – овсяную кашу. Да, я им месяц назад пакет хлопьев приносил…

А еще шторы были отдернуты, и окно приоткрыто на проветривание. Я с испугом глянул, но небо затягивали тучи, и ничего слишком уж необычного видно не было.

Наська стрельнула в мою сторону глазами и продолжила рассказ:

– И тогда старый якудза Тэкеши Оосава засмеялся и сказал, что отправит меня в опиумный притон в Маниле. Но Максим не растерялся. Он предложил сыграть на меня в покер. Если бы проиграл, то его тоже забрали бы в рабство на всю жизнь! Оосава не сомневался, что выиграет, и достал колоду крапленых карт… Привет, Максим!

– Максим, ты посещаешь подпольные казино? – спросила мама подозрительно.

– У него не было другого выхода! – вступилась Наська. – Когда проиграешь на собачьих боях обе почки, и надо срочно добыть много денег, то либо грабить банк, либо идти в казино… Так вот, Максим рассмеялся в лицо низкому человеку и достал свою любимую колоду… – Она осеклась. – Он вообще-то не играет. Но может же быть платонически любимая колода?

– Может, – сказала мама, ставя перед ней тарелку. – Максим, ты будешь овсянку?

– Буду, – решил я и сел. Стоявший за моей спиной отец остался в дверях. – Ты ее не слушай.

– Ну почему же? – удивилась мама. – Такие интересные истории. Она вначале призналась, что твоя тайная дочь. Но мы с ней посчитали – по возрасту плохо бьется. Тогда сказала, что она мать. Мать Гнезда.

У меня внутри екнуло.

– Мы посмеялись вместе, – продолжила мама, накладывая мне кашу. – Вот, теперь новая интересная история, в ней есть японская мафия, азартные игры… Прекрасная фантазия у ребенка, вот только истории не по возрасту…

Я незаметно показал Наське кулак.

– У тебя такая милая пижамка, Максим, – сказала куколка противным голоском.

Позор-то какой!

Может, они еще и детские фотоальбомы смотрели?

– Спасибо, мам, – сказал я. – Вкусная каша.

Мама села рядом с Наськой. Поглядела на меня.

– А ты что скажешь?

– Наська – сводная сестра Дарины Мельниковой, – пояснил я. – Помнишь Ростика? Мой одноклассник. Дарина – его младшая сестра.

– Не помню, – честно призналась мама.

– Ну посмотри на фотках в школьном альбоме, он высокий такой, белобрысый… был. Ростик погиб, вскоре после… – Я запнулся. – Давно уже. Вчера я случайно

встретил его сестру Дарину, у нее неприятности… попросила присмотреть за своей сестренкой.

– Запутанные семейные отношения. А что случилось? – забеспокоилась мама.

Наська мрачно смотрела на меня.

– Не могу рассказывать, – вздохнул я. – Ничего, что нас бы касалось. Мам, может ку… Наська у вас пожить пару дней?

– Если ей не будет скучно с двумя стариками… – Мама вопросительно посмотрела на Наську. Та скорчила максимально умилительную рожицу.

– Вот и хорошо, – обрадовался я, забрасывая в рот последние ложки каши. – Наська, я сейчас пойду к Дарине. Она просила тебя остаться на несколько дней здесь.

– Я уже поняла, – ответила она без всяких дурачеств. – Максим… как у нее дела?

– По-всякому, – уклонился я.

– Она одна?

Я кивнул:

– Одна. Но я сейчас к ней загляну.

Похоже, Наська всё поняла. Начала вяло ковыряться в каше, опустив голову. А я пошел на выход. Отец молча проводил меня, у дверей спросил:

– Что на самом деле происходит, сын?

Я замялся.

– Ну… неприятности. У знакомой. Я маме правду сказал.

– Ты что-то не договариваешь.

– Да, – честно признался я. – Но… знаешь, пап. Тут такая ситуация, что мне надо самому разобраться.

– Я не смогу помочь? – спросил отец. – У меня остались серьезные знакомые, ты не думай.

– Пап, ничего не нужно. Если потребуется, я сразу попрошу помощи или совета.

Я его не убедил, это точно. Я и себя-то не убедил.

Но отец не стал спорить, и я был за это благодарен.

Еще вчера мы с Дариной обговорили, что я буду делать.

Она сейчас не могла выходить из Гнезда. Можно сказать, держала оборону и изображала, что Гнездо обитаемо. Мне даже показалось, что это имеет какой-то мистический смысл: вроде как Гнездо не просто место обитания, а живое, и если последняя Измененная его надолго покинет, то оно разрушится.

А вот я мог пойти куда угодно.

Тем более что внизу, у консьержа, меня ждал принесенный рано утром пакет. В пакете лежало разрешение на ношение оружия (я даже не удивился, что в нем проставлен номер моего макара), удостоверение консультанта полиции на мое имя (фотография выглядела совсем свежей, на ней я был в строгом костюме и галстуке, которых никогда не носил), снаряженный магазин к пистолету и тонкая пачка денег. Судя по незначительности суммы, полковник мог и свое бабло положить. Ну, или из каких-то совсем мелких фондов «для налаживания отношений с опустившимися элементами».

Как-то меня это даже растрогало.

Поэтому я сказал себе, что денег специально положили чуть-чуть, чтобы я так подумал и проникся к полиции симпатией. Рассовал всё по карманам (консьерж

вытаращился на обойму, я ему подмигнул и показал удостоверение). Может, у меня его уже завтра отберут, но уважение консьержа мне теперь обеспечено.

Дошагав до метро, я сунул в турникет карточку и спустился к поездам. Раньше-то можно было просто поднести смартфон или часы к датчику, но Инсеки очень не любили средства коммуникации сложнее радио. Оптоволокно, провода, 5G – все работало, вот только скорость передачи данных оказалась зажата на одном мегабите в секунду. Смартфонам пришел конец, интернету тоже. Только хардкор, только диски и флэшки. Разве что хиленький блютуз Инсеки не тронули, но руководство метрополитена от греха подальше перевело всю оплату на карточки с магнитной полоской, против них Инсеки ничего не имели.

Ближайшее к центру Гнездо было на Олимпийском проспекте, оно накрыло уголок дедушки Дурова, не затронув по какой-то причине лишь слоновник. Но Дарина попросила меня пойти в другое, самое крупное в Москве – на улице Раменки.

Так что я дождался поезда и поехал до «Парка Победы».

В метро было душно. Климат после Перемены изменился сильно, пусть зимой снег и был, но в марте месяце уже тепло и влажно, почти никто ветровок не носил. А мне пришлось ее надеть, да еще и застегнуть, чтобы не светить повсюду кобурой. Хорошо хоть, металлоискателей нет, в детстве, помню, они повсюду стояли.

Пересев на поезд до «Мичуринского», я все еще размышлял, что делать, если в Раменском Гнезде меня выслушают (если пошлют на фиг – то пойду, куда деваться) и скажут: «Да, это мы всех убили, вам-то какое дело?»

Ну, понятно, я тоже пойду. А дальше?

Что, если Дарина скажет: «Теперь ты должен отомстить, я же тебя призвала!»

Тьфу. Зачем я в это только влез! Все проблемы в мире из-за девчонок, хоть обычных, хоть Измененных…

От метро я пошел к Гнезду пешком, тут было недалеко. Это Гнездо возникло не первым, но сразу с размахом. В Раменках был старый жилой комплекс – восемь корпусов, стоящих кругом. То ли в одном из них жила первая Измененная, то ли по другой причине – но Гнездо возникло именно там. Люди тогда к такому не привыкли, народ стал съезжать и разбегаться кто куда – благо, из Москвы многие разъехались, хватало пустых квартир, и власти их просто реквизировали в рамках чрезвычайного положения, расселяя беженцев и погорельцев. Помню те дни: все ходили, с опаской поглядывая в небо, на кольцо, говорили тихо, будто боялись, что Инсеки подслушивают, сбивались в кучки и обменивались сплетнями – телевизору никто не верил. Ну и психов тоже хватало, конечно. Орущих, беснующихся, кидающихся на людей, призывающих к войне, покаянию, бегству…

Это Гнездо тоже обросло паутиной, но вокруг ее тщательно убирали, асфальт был выскоблен, жилые здания тоже чистенькие. Может, у начальника муниципалитета бзик такой?

Чем ближе я подходил к Гнезду – кругу панельных восемнадцатиэтажных зданий, – тем сильнее ощущал присутствие чего-то неприятного, чуждого. Обычно мимо Гнезда идешь – легкая неловкость, желание ускорить шаги. Только если остановиться, то ощущение начинает нарастать. А сейчас меня прям всего пробирало! Может, к нашему Гнезду я привык? Или дело в том, что оно меньше? В Раменском несколько тысяч Измененных, оно должно сильнее фонить.

И чем это место мутантам приглянулось? Дома панельные, ветхие. Квартирки маленькие, а они явно любят общие пространства, почти все Гнезда – в административных зданиях. Тут, наверное, им дырки пришлось между квартирами делать. Или они ходят по лестницам, заглядывают друг к другу в гости?

Единственное, что тут было хорошо, – закрытый зеленый двор и огромный парк рядом. Ну так Измененные не гуляют! Сидят себе в Гнезде и сидят, только по делам выходят.

На разных уровнях отдельные корпуса соединялись паутинными туннелями, как и в нашем Гнезде. Тут их было больше, конечно, и выглядели они покрепче, хотя все равно ходить по кишке из паутины на высоте полусотни метров должно быть страшновато. К одному из переходов прицепилась большая гроздь ярких воздушных шариков, улетевших с какого-то праздника. На фоне серых стен и

серой паутины выглядели шары неожиданно грустно.

Я подошел к проходу между двумя зданиями. Тут все было затянуто паутиной, только в центре оставалась арка – большая, можно на грузовике проехать. И стояли две стражи, подозрительно глядя на мое приближение.

Стражи немного выше жниц, но это потому, что у них и сложение массивнее. Жницы в общем-то сильно похожи на людей. Цвет радужек другой и кожа слишком гладкая – вот и все отличия. Да еще двигаются по-другому, конечно. Немного дерганые, словно жница выполняет те же движения, что и человек, но раза в полтора быстрее, а потом мгновенно останавливает руку или ногу. Пока к этому не привыкнешь, выглядит неприятно.

Стражи другие. Лицо у них заостряется и одновременно раздается вширь. Подбородок крупнее, хотя рот обычный. Глаза темные, зрачка не видно. Руки длиннее, чем должны быть, кисти очень крупные. Волосы остаются совсем коротким ежиком, зато плотным, как щетка. Кожа становится шершавой и пупырчатой, от былого блеска не остается и следа. Движутся они неспешно, но всегда чувствуется, что в любой миг могут резко ускориться.

– Здравствуйте, – сказал я.

Стражи молчали, глядя на меня. Наверное, приняли за психа. Полно таких, припрутся к Гнезду и требуют Изменения, пока их полиция не уведет.

– Я послан хранителем Гнезда, – продолжил я. – Того, что в центре города, в Гнездниковском переулке. Мне надо поговорить с вашим хранителем.

Стражи переглянулись. Большинство Измененных – женщины, так уж повелось. Но, глядя на этих, я решил, что правая стража – в прошлом мужчина. Какая-то в ней была особенность, пусть даже обтягивающий комбинезон из крупных шестиугольных чешуек никаких деталей не подчеркивал.

– Жди, – сказала правая стража, развернулась и ушла во двор.

Я остался наедине со стражей-женщиной. Умом понимаю, что она младше меня, но к страже понятие возраста как-то неприменимо.

Начал накрапывать мелкий теплый дождик.

– Хорошая погода, не правда ли? – спросил я.

Стража молчала.

– Вам нравится дождь? – продолжил я.

Стража буравила меня своими черными глазами и не издавала ни звука.

– В детстве любил бегать под дождем, – не унимался я. – Бабушка говорила, что от этого растешь. А вам такое говорили?

Стража неожиданно ответила. Голос у нее был ровный, скучный, такой мог принадлежать и мужчине, и женщине.

– Не говорили. Когда случилась Перемена, вся моя семья погибла. Я еще не умела ходить.

Я осекся. Это что же получается: страже двухметрового роста всего восемь лет?

– Я говорю с тобой, поскольку ты призван Гнездом, – пояснила стража. – А мне интересно говорить с людьми. Давай играть? Вопрос за вопрос.

Я растерянно кивнул.

– Спрашивай.

– Тебе всего восемь лет?

– Девять. Гнезду были нужны стражи, я торопилась. Нам не надо бегать под дождем, чтобы вырасти. Мой вопрос. Ты боишься меня?

Ответил я аккуратно, как мог:

– Опасаюсь. Ты гораздо сильнее, и ты непонятна. Но мы ведь разговариваем, мы не враги.

– Это вопрос?

А почему бы и нет?

– Вопрос.

– Тебя нет в списке врагов. Теперь мой вопрос. Ты хочешь стать Измененным?

– Нет, – ответил я резко. – Мне нравится быть человеком. Можно еще вопрос?

– Говори.

– Как вы относитесь к Инсекам? – спросил я неожиданно для самого себя.

Наверное, я ждал, что она скажет «благодарны». Или «недолюбливаем». Или «боимся».

Но стража молчала. Потом сказала:

– Поменяй вопрос.

– Почему?

– Поменяй вопрос. Это плохая игра. Это опасная игра.

Если бы в голосе стражи были эмоции, то сейчас это был бы испуг. У нее даже мелко задрожала кожа на лице.

– Хорошо, – быстро сказал я. – Другой вопрос. Гнезда воюют между собой?

– Вообще или сейчас?

– Вчера, сегодня, сейчас?

– Ни одно Гнездо на Земле не воюет и не воевало с другим Гнездом, – ответила стража. Мне даже показалось, что я услышал облегчение в ее голосе.

Я вдруг подумал, что говорю с ребенком. Пусть вымахавшим выше меня, чудовищной силы и каким-то образом умным не по возрасту. Но всё-таки ребенком.

– Хорошая была игра, – сказал я мягко. – Спасибо. Мне было интересно говорить с тобой.

– Мне тоже, – ответила стража. – Мы любим играть в игру вопрос за вопрос. Но я никогда не играла с человеком.

Я кивнул. Да, мой странный статус призванного Гнездом сделал меня тем самым посредником между людьми и Измененными, о котором мечтал полковник Лихачев.

Вернулась вторая стража. Не одна – за ней шел… шла жница… нет, не совсем жница. Куда более похожая на человека, чем стража, но глаза у нее были ослепительно-белые, будто слепые, с крошечными, как булавочные проколы, черными зрачками. Комбинезон тоже белый, но крупночешуйчатый, свободного покроя. И движения совсем человеческие, без дерганности.

– Я – хранитель Гнезда, – сказала Измененная, останавливаясь передо мной. – Ты призван.

– Призван, – кивнул я, хотя это не было вопросом.

– Матерью или хранителем?

– Хранителем и матерью. – Я решил, что это будет правильный ответ.

– Хорошо, значит, они живы, – кивнула хранитель. – Зачем ты пришел?

– Наше… – Меня немного дернуло от этого слова, но я опять же подумал, что надо говорить именно так. – Наше Гнездо подверглось нападению. Есть убитые.

Хранитель размышляла.

– Если мать и хранитель живы, то живо и Гнездо. Зачем тебя послали?

Вот тут я ступал на самый тонкий лед. Дарина без особой дипломатичности велела мне спросить, не замешано ли в атаке это Гнездо. Но что, если хранитель обидится?

– Хранитель ищет виновных, – сказал я. – Она просила узнать, не известно ли вам о каком-либо Гнезде, нападавшем на наше?

Конечно, стража мне уже сказала, что Гнезда не воюют, но одно дело – рядовая стража, а другое – хранитель.

– Ты смягчаешь вопрос, – ответила хранитель. – Но любая вежливость оскорбляет и задающего вопрос, и отвечающего, и посланника.

Я вздохнул.

– Хранитель спросила, не нападало ли ваше Гнездо на нас?

– Если такой вопрос был задан именно нашему Гнезду, – произнесла хранитель, – то это значит лишь одно. Потери были крайне велики, поэтому в нападении заподозрили самых сильных. Полагаю, в живых остались только мать и хранитель.

Меня охватила паника. Я всего лишь задал вопрос, а хранитель уже всё поняла!

Хотя нет. Она недооценила разгром. Вместо матери у Гнезда маленькая куколка, вместо хранителя – жница.

– Мы не нападали, – сказала хранитель. – Мое сочувствие хранителю и матери. Если они не успевают переработать тела, я могу прислать жниц.

Вот тут меня едва не стошнило. Они что, и впрямь жрут своих мертвецов?

– Не надо, – сказал я. – Хранитель сказала, что помощи не требуется. Только ответ.

Хранитель кивнула, как мне показалось – с огорчением.

– Тогда я пойду, – сказал я. – Спасибо за ответы, уважаемая хранитель. Мне надо передать их.

Дождь лил всё сильнее, и я понимал, что, несмотря на ветровку, по пути к метро промокну насквозь. Но лучше уж промокнуть от дождя, чем от собственной крови.

– Хорошо, – сказала хранитель. – Спасибо хранителю за информацию, мы увеличим охрану. Мое сочувствие и тебе, призванный.

Голос ее при этом оставался равнодушным. Что ж, я и не напрашивался.

– Да, мне очень жаль Гнездо, – сказал я, натягивая на голову капюшон.

– Речь не о Гнезде. Мое сочувствие тебе, ибо путь призванного печален и недолог.

С этими словами она развернулась и пошла назад.

Стражи стоически мокли под дождем, глядя на меня.

– Вот на фиг мне, а? – сказал я. Похоже, это становилось моей любимой фразой.

И пошел к метро.

Глава шестая

Полицейский пост у Гнезда остался на прежнем месте, но обзавелся прозрачной пластиковой будочкой. Полицейские внутри сидели на скамейке, на крыше будочки стояла видеокамера. Намек на то, что они тут надолго, был недвусмысленный. Дождь ослабел, но всё-таки стучал по пластиковой крыше, полицейские сидели, будто в барабане.

Я прошел мимо, меня не останавливали. Один полицейский, помоложе, красовался в зеркальных поисковых очках. То ли кристаллики выискивал на досуге, то ли решил, что так он круче выглядит.

Подойдя к входу в Гнездо, я остановился.

Почувствовал.

Та самая «вибрация», о которой говорила Дарина. Раньше она ощущалась как легкий неуют, желание побыстрее пройти мимо. У большого Гнезда в Раменках я ее чувствовал очень сильно. Но сейчас…

Словно тихий шум прибоя. Или гул крови в большой морской раковине, которую прижимаешь к уху.

Никакой тревоги звук не вызывал, да и не был он звуком, я точно знал.

Я начал слышать Гнездо!

Да что же случилось? Мне не кололи никакой мутаген, Дарина всего лишь сказала, что я «призван». И этого хватило?

Я вошел в Гнездо, пытаясь хотя бы разозлиться, чтобы высказать всё жнице прямо в лицо. Получалось плохо. Вибрация Гнезда поневоле успокаивала и расслабляла.

В фойе кое-что изменилось. Исчез едва уловимый запах крови. Поискав взглядом тела, я их не нашел, да и ковры в тех местах пропали.

– Дарина! – крикнул я.

Звук тонул в мягкости, как бывает в камере для звукозаписи.

– Жница! Хранитель! Дарина!

Тишина.

Я нервно прошелся взад-вперед. Шум Гнезда больше не успокаивал. А что, если враги вернулись? Что им стоило убить одну-единственную жницу, если они положили две сотни мутантов?

– Дарина!

Я начал подниматься по лестнице на второй этаж. Миновал пролет – и тут навстречу выбежала Дарина.

Вначале мне показалось, что она изменилась. Ну, раз назвалась хранителем – могла же начать мутировать дальше?

Но она просто была в халате. Самом обычном банном халате, длинном, до пят. Волосы и лицо были мокрые.

– Тебе сюда нельзя… – Она заколебалась. – Ладно. Пошли. Ты под дождь попал, да?

Вслед за Дариной я вошел в ближайшую дверь. Комната, когда-то бывшая рабочим кабинетом, тоже была вся устлана коврами и завалена подушками. Любят же они мягонькое… Окна снаружи затягивала паутина, лампы не горели, в комнате было сумрачно.

От ног Дарины оставались мокрые следы.

– Я отмывалась, – пояснила она, усевшись прямо на пол, на подушки. – Всю ночь не спала.

– Убирала? – Я не стал уточнять, что именно. Сбросил ветровку, расстелил ее на подушке, чтобы впитала влагу.

– Да. У нас есть большая холодильная камера в кафе внизу.

– Хранитель большого Гнезда предложила забрать тела, – сообщил я.

– Нет, это слишком ценный ресурс.

Лицо у меня невольно перекосилось.

Дарина вздохнула:

– Наши ткани и органы устойчивее человеческих и живут несколько часов после смерти тела. При сильном охлаждении – до нескольких месяцев. Всё, кроме мозга, к сожалению. Еще у нас нет взаимного иммунного отторжения. Тела погибших – идеальный материал для трансплантации. Особенно, если надо проводить ускоренные метаморфозы.

– А… – сказал я с облегчением.

– Ну а если их съесть, то это мощнейший стимулятор, – добавила Дарина. И неожиданно улыбнулась.

– Ты издеваешься? – спросил я.

– Не скажу. Что ты узнал?

Я коротко рассказал про разговор с хранителем.

Дарина выслушала, как мне показалось, без особого удивления.

– Я и сама поняла, что наши тут ни при чем, – сказала она. – Мы с Наськой отсутствовали меньше часа. Только большое Гнездо способно выставить достаточно бойцов, чтобы за этот срок сломить сопротивление и уничтожить всех. Но остались бы следы боя, были бы жертвы среди нападавших, тела, пятна биологических жидкостей. А тут всё произошло очень быстро, я полагаю, что за десять-пятнадцать минут.

– Кто это мог сделать?

Дарина вздохнула.

– Может быть – человеческий спецназ. Если очень хорошо подготовились, использовали какие-то газы… не знаю. Но может быть.

– А более вероятно? – не унимался я.

– Как сам думаешь?

Я помолчал.

Ну, конечно, мысль была только одна. И очень неприятная.

– Эти? – Я кивнул вверх.

– Инсеки могли, – согласилась Дарина.

– Тогда с концами.

Я не знал отношений между Гнездами и пришельцами. Какие-то были, конечно, и судя по разговору со стражей, не самые безоблачные.

– Вчера я переоценила себя, – сказала Дарина. – Была в ярости, мечтала отомстить…

Не похожа она была на человека в ярости, ну так она же и не человек.

– Если это и впрямь Инсеки… – Дарина помолчала. – Тогда я стану возрождать Гнездо. Пройду путь к хранителю. Наську придется вести ускоренным циклом к матери. Есть и еще хорошие новости, как ни странно… – Она осеклась. – Но о мести не может быть и речи. Обязанности с тебя я сниму. Не волнуйся.

– Да я и не волнуюсь.

– Я же чувствую… – просто ответила она. Потянулась, из-под халата высунулись голые ноги. Лодыжки были тоненькие, подошвы розовые, как у младенца.

– Ты без комбинезона, – удивился я.

– А ты в штанах и рубашке моешься?

– Нет, но… вы же всегда в своей чешуе, – я попытался улыбнуться. – Не думал, что увижу жницу без одежды.

– Ты еще и не видел, – сказала Дарина.

Повисла неловкая пауза.

– Дарина, извини, это прозвучало двусмысленно, – сказал я.

– Знаю. Я так и хотела.

Она смотрела куда-то мимо меня. Потом опустила взгляд.

– Я пока очень похожа на человека, – сказала Дарина. – Жницы недалеко уходят по пути изменений. Если я стану хранителем, всё будет иначе… Максим, я вызываю у тебя отвращение?

– Нет, – честно сказал я. В горле пересохло.

– Мне вчера показалось, когда ты меня обнимал…

– Тебе не показалось.

– Максим, это у меня первый и последний раз, наверное. Если… если я тебе не противна…

Я встал. Подошел к ней. Дарина тоже поднялась, глядя в пол. Ее пальцы теребили поясок халата.

– Может, меня кто-то посчитает… психом, – сказал я, – но ты мне нравишься.

Она повела плечами, и халат соскользнул к ногам.

Головы она так и не поднимала.

Я осторожно взял ее за подбородок и поцеловал. Она ответила, целуясь жадно, неумело и отчаянно, как бывает только в первый раз.

– Открой глаза, – попросил я.

Дарина замотала головой.

– Не бойся, – сказал я. – Я хочу их видеть.

Она посмотрела на меня – и я утонул в сиреневом сиянии. Тысячу раз я слышал «такая скука, мутантку бы трахнул» или что-то подобное. Десятки раз я слышал похвальбу «а я тут жницу поимел» – с обилием деталей, касающихся в основном скользкой кожи или нестандартного женского органа. Одна девушка всем рассказывала, что у нее был парень-страж, с «вот таким вот огромным и раздвоенным».

Я и раньше-то в эти истории не верил.

Теперь я знал на тысячу процентов, что это вранье.

Потому что никто этого рассказывать не станет.

А если все же станет, то будет говорить про глаза.

Светящиеся жадным сиреневым светом.

Нечеловеческие глаза на человеческом лице.

Мы целовались, глядя друг на друга, в полутемном, заваленном мягкой рухлядью кабинете бывшего Минкульта, я сжимал ее плечи, и не было никакой

скользкости из пошлых анекдотов («запрыгнул на нее и проскользнул всё Гнездо»), просто гладкая влажная кожа, словно ты с девушкой в душе. Дарина, путаясь в пряжке, расстегнула мне ремень, я сбросил влажные, липнущие к ногам джинсы и увлек ее на пол. Она совершенно ничего не умела и не знала, у нее действительно всё было в первый раз, и, кажется, Дарина ужасно нервничала, что я сейчас сравниваю ее с другими и сравнение окажется не в ее пользу.

И это было трогательно и смешно, потому что я понимал: все девчонки на свете по сравнению с ней ничего не стоят, у меня никогда такой не было… и скоро снова не будет.

Но сейчас она была рядом, я еще раз шепнул ей «не бойся» и вошел, ловя испуг и восторг в сиреневых глазах. Дарина вцепилась мне в плечи так сильно, что я застонал, и тут же отпустила в испуге – она была куда сильнее, чем человек, и я вдруг понял, что она боится причинить мне вред не меньше, чем я боюсь причинить ей боль.

– Ты мне не навредишь, – прошептал я. – Ты… моя…

И только тогда она расслабилась до конца, и мы вошли в ритм, она не отрывала от меня взгляда, потом зрачки ее расширились, будто глядя куда-то за пределы мироздания, и Дарина застонала, вздрагивая подо мной и цепляясь все сильнее, не желая отпускать, но мы и без того уже были единым целым, когда быть ближе просто невозможно.

А вокруг нас рокотала беззвучная, могучая, будто океанский прибой, песня Гнезда.

Я опустился на пыльные истоптанные ковры, Дарина прижалась ко мне, положила голову на грудь движением, которое любая женщина знает со времен Евы. Прошептала:

– Так… так всегда, да?

– Нет, так не всегда, – ответил я, обнимая ее, и понял, что не вру.

– У тебя же были девчонки.

– Тебя не было…

Дарина тихо, но с гордостью засмеялась. И лизнула меня в плечо.

– Эй, – сказал я. – Надеюсь, у вас не принято после секса откусывать голову?

– Такую пустую? – фыркнула Дарина.

И снова прижалась ко мне. Она подрагивала, будто никак не могла успокоиться, руки скользили по моему телу. Потом Дарина прошептала:

– Помнишь, Наська ляпнула, что я в тебя была влюблена в детстве?

– Ну? – насторожился я.

– Вранье. Я, конечно, на всех одноклассников Роськиных заглядывалась. Как положено младшей сестре. Но мне нравился такой веселый, в очках, на Гарри Поттера похожий, его и звали…

– Гарик! – поразился я. – Да ну, он балабол…

– И еще такой плотный, серьезный, молчаливый…

– Мишка? – Я нахмурился. – Он не плотный, а толстый. Они уехали на Дальний Восток…

– И смуглый такой парень, восточный. Имя красивое, Тимур…

– Ты сейчас всех ребят из класса переберешь, – пробормотал я. – Эй! Да ты же издеваешься! Ты всех подряд называешь!

Дарина захихикала, прижимаясь крепче. Я потянул, она оказалась на мне, села, лукаво улыбнулась. Сказала:

– Ты, впрочем, тоже ничего так…

Я привлек ее – и мы целовались с минуту, пока не поняли, что этого снова для нас мало.

А потом просто лежали, прижимаясь и тихо гладя друг друга. Я целовал ее лицо, сиреневые глаза больше не сияли, но я знал, что этот свет где-то тут, внутри, рядом.

– Больше всего на свете я хотела бы стать обычной… – прошептала Дарина.

Я молча поцеловал ее. Мы оба знали, что это невозможно.

От Гнезда до Комка – всего-то метров сто. Я вошел, у стойки были две женщины, изучавшие выставленный товар: какие-то мелкие банки и пакеты с рационами. Рационы – понятное дело, они вкуснее, чем государственные пайки, и питаться ими дешевле, если ты хотя бы немножко умеешь искать кристаллы. В нормальных супермаркетах можно купить что угодно, хоть стейк из мраморной говядины, хоть французский коньяк, но всё это дорого, а работы у многих нет. Либо госпайки в картонных коробках, либо рационы из Комков.

А в баночках были витаминные добавки, я такие покупал родителям. Действительно крутая штука, даже меня штырит, если съесть пять-шесть таблеток, можно всю ночь не спать и на следующий день – никакой усталости. Главное, не есть их больше двух дней подряд – а то накатит отходняк.

Я дождался, пока женщины ушли со своими продуктами, и двинулся к стойке. Продавец, кажется, улыбнулся.

– У меня вопрос, – сказал я. – Найдутся какие-нибудь патроны к этому пистолету?

Я выложил макаров на стойку. Продавцы оружия не боятся.

– Найдутся, – сообщил Продавец. – Найдется всё.

– А какие-нибудь особые?

– Насколько особые?

– Чтобы можно было… – Я запнулся. – Поразить Измененного.

– Под словом «поразить» вы же не имеете в виду крайнюю степень удивления?

– Нет. Под этим словом я имею в виду нанести тяжелые травмы, повреждения, а возможно, и смерть, – разозлился я.

Продавец постоял, будто раздумывая. Потом сказал:

– Такие патроны найдутся. Магазин будет стоить хорошую рэдку.

Я кивнул.

– Вся ответственность за ваши действия ложится на вас, – добавил Продавец.

– Несите, – сказал я.

Продавец удалился, но вернулся буквально через пару минут и положил передо мной на стойку магазин от макарова. Самый обычный металлический магазин. Внутри желтели патроны.

– Как знал с утра, что кому-нибудь понадобится, – сказал он.

Я нахмурился. Мне такая прозорливость не понравилась.

– Ночью были проблемы у Измененных. Несложно сделать вывод, что оружие будет пользоваться спросом, – пояснил Продавец. – А макаров – самый распространенный пистолет у частных лиц. Хотите такой же магазин для калашникова?

– Нет у меня калаша, – ответил я, изучая магазин. – Как это работает?

– Вставляете в пистолет. Нажимаете спуск. Стреляете. Цель умирает.

– Какой-то яд? – спросил я.

Продавец не ответил.

Я вздохнул и выложил красный кристаллик. Всегда стараюсь один носить с собой. Мало что стоит так дорого, но случаются неожиданности.

– Гнездо таит в себе много сокровищ… – сказал Продавец, пряча плату. И вдруг спросил: – А вы знаете, что на вас печать Гнезда?

– Знаю, – пробормотал я.

– Редкая штука, – сказал Продавец. – Если вдруг захотите снять – куплю по хорошему курсу.

Оп-па!

– Что это такое, печать Гнезда? – спросил я.

Вообще-то Продавцы не любили делиться информацией. Но этому, видать, хотелось провернуть сделку.

– Это тонкая волновая структура, наложенная на ваш организм. Она дает вам определенные возможности, но при этом добавляет и ограничения. Вы можете войти во вкус, но… – он помолчал. – Не забудьте ее снять, пока не станет слишком поздно. Если этого не сделают в Гнезде, я всегда смогу помочь. Но учтите: сейчас я готов хорошо заплатить за печать. С каждым часом цена будет падать, а через несколько дней вам придется самому платить за ее снятие.

Он замолчал.

– Спасибо, учту, – ответил я. Понятно было, что большей информации не добиться. – Скажите еще… – я замялся. – У вас найдется подарок для девушки?

– Парфюм? – спросил Продавец. Как мне показалось, с иронией. – Украшения? Подарок должен быть функциональным или всего лишь приятным? Насколько близкие у вас отношения?

Я неловко пожал плечами.

– Молодые люди вашего образа жизни частенько покупают у меня изящные зеркалки для подруг, – сказал Продавец. – И духи, конечно же. И красивую одежду, особенно если желают прогуливаться со своими подругами. Но, к примеру, если бы речь шла об особе… не склонной к прогулкам, не ищущей кристаллы, не любящей искусственные запахи…

У меня запылали уши.

– Подумаю, – сказал я. Не нравилась мне такая проницательность. – Загляну к вам на днях.

– Про печать не забывайте, – напомнил Продавец.

– Угу. – Я быстро вышел из Комка.

Интересно, полученное мной разрешение на оружие распространяется на те странные патроны, что я купил?

Ох, не факт.

Я шел домой и осмысливал случившееся со мной за неполные сутки.

Я стал свидетелем неслыханного побоища… ладно, только его последствий, но все равно. Я был призван Гнездом и незаметно для себя получил «волновую печать». Я был зачислен во внештатные консультанты отдела «Экс» полиции, занимающегося Гнездами… а чем еще? Инсеками полиция не занимается, тут разве что госбезопасность что-то пытается придумать. Может, Продавцами в Комках? Мне выдали корочки, немного денег и разрешили таскать с собой нелегальный ствол. Я посетил самое большое московское Гнездо, мило поговорил с девочкой-стражей и хранителем Гнезда. Я стал чувствовать Гнезда!

Но все это было ерундой, если уж честно.

И даже то, что я только что несколько раз занимался сексом с юной жницей, тоже было неважно. Наверняка такое случается. Пусть друзья-приятели о своих похождениях и врали, теперь я был убежден, что вряд ли уникален.

Важно было то, что Дарина станет хранителем Гнезда. И вот после этого, похоже, у нас не будет ни секса, ни отношений. Максимум деловые.

И это мне ужасно не нравилось. До звериной тоски, от которой хотелось выть.

Прежнего хранителя нашего Гнезда я не видел, но если Дарина станет такой, как хранитель раменского… и дело не в жутковатых белых глазах, похожих на бельма, я бы и к этому привык, но та хранитель была… что же в ней самое неприятное? Она была пугающе-отстраненной от всего. Интересовалась судьбой Гнезда, выразила сочувствие мне, но ощущение было такое, словно это для нее дело неважное, на краешке сознания, а занята она совсем другими раздумьями, далекими от людей и от Земли.

Не хочу, чтобы Дарина стала такой.

Не хочу!

Глава седьмая

Уходя из Гнезда, я договорился с Дариной, что завтра утром приведу к ней Наську. Освободить меня от «призвания» они должны были вместе (странно, конечно: Продавец готов был сделать это сам, да еще и заплатить «за печать»).

От идеи расследовать нападение Дарина отказалась. Похоже, она уверилась, что по Гнезду прошлись смертоносным вихрем Инсеки (никогда такого не было, и на Земле-то их нечасто видели, но кто еще мог такое сотворить?), а с существами, мгновенно прекратившими мировую войну и разобравшими Луну на кусочки, спорить бесполезно.

С одной стороны, это было для меня облегчением. Можно честно сказать товарищу полковнику, что я ему более не интересен. Вдруг не станет забирать

разрешение на оружие, всё польза. И влезать в жутковатые разборки Измененных и пришельцев не потребуется.

Но какое-то внутреннее раздражение оставалось. Поманили подвигом – и тут же отправили в отставку. Есть, наверное, во мне какой-то нездоровый авантюризм. Может, в деда? Он служил в армии, по-настоящему воевал в двадцатом веке, когда США и СССР мерялись силами в разных уголках света. Отец говорит, что дед был боевой, жаль, я его совсем не помню. У матери родители тоже умерли, но они были людьми мирными, какими-то чиновниками в строительстве.

Точно, дедушкино влияние.

Или собственное шило в одном месте.

Я заглянул на пять минут к себе, переоделся. Потом поднялся к родителям.

Дверь открыла аккуратно причесанная рыжая девочка в голубом платье.

– Оба-на, – сказал я пораженно.

– Ну не ходить же Анастасии в твоих старых джинсах? – спросила мать, появляясь за ее спиной.

Наська сделала что-то, чему полагалось изображать книксен или иной аристократический поклон.

– Я, конечно, удивлен, что ты хранишь мои детские шмотки, – сказал я, заходя. – Мам, но платье я точно не носил.

Наська хихикнула.

– Мы сходили в магазин, – сказала мама. – Взяли зонтики и сходили.

Я молча смотрел на нее.

– Максим, перестань, – мама махнула рукой. – Тучи. Я не видела этой гадости. И даже будь небо чистым, я бы не смотрела на кольцо.

Я продолжал молчать.

– Пойдем, я пиццу сделала, – сказала мама. – Не знаю, как получилось, никогда не делала пиццу с тушенкой и кетчупом… Максим! Ну неужели ты думаешь, я не знаю, что случилось в мире?

– Ты хорошо изображала, – кисло ответил я.

Мать махнула рукой и пошла на кухню, качая головой.

Наська, терпеливо дожидавшаяся конца разговора, раскинула руки и облапила меня. Торжественно сказала:

– Пришел мой герой!

– Победитель японской мафии, – безнадежно согласился я.

– Нет, ты предводитель тайной организации Сопротивления. Вы боретесь с теми, кого лучше не называть вслух! – она понизила голос. – Ты на самом деле древний как пень. Тебе почти двести лет, но тебя воспитывали буддийские монахи…

– Буддистские… – неуверенно поправил я.

– Да без разницы! Тебя поили молоком волшебных летающих яков, и ты сохранил внешнюю молодость…

– В кого ты такая умная? – спросил я, пытаясь идти по коридору. Это не очень просто, когда в тебя намертво вцепилась десятилетняя девчонка.

– Забыл, где я живу? Я четыре года лежала неподвижно, мне нечем было заняться, а в комнате было много книжек…

– Примерно догадываюсь об их содержании, – кивнул я. Мне показалось, что про четыре года Наська сказала серьезно.

– О, ты и о половине не догадываешься, – ответила она загадочно. И вдруг с живейшим интересом уставилась на меня.

– Чего? – спросил я.

– Ничего, – Наська хихикнула. – Ничего. Тили-тили-тесто.

Отцепившись наконец-то, она с визгом унеслась на кухню.

Мне захотелось провалиться сквозь пол, сквозь квартиру внизу, пару лет как занятую каким-то казахским бизнесменом, и оказаться сразу в своей.

Наська что, каким-то образом почувствовала… мои отношения с Дариной?

Смирившись с неизбежным, я пошел на кухню.

Уж не знаю, кто делал пиццу, но из духовки ее доставал отец. Выглядела пицца странно: четырехугольная, на весь поднос, из тушенки с луком и кетчупом. Итальянцы бы в обморок упали.

Но было вкусно.

Мать с отцом все-таки налили себе водки. Но хотя бы не маскировали ее под вино, что меня вечно раздражало. И выпили всего по рюмке. По крайней мере сейчас, при мне.

– Как твои дела сегодня? – спросила мама с той деланой небрежностью, которая означала, что она готовится сказать что-то очень серьезное.

– Нормально, – я пожал плечами. И выдал то, что должно было порадовать родителей: – Думаю, может, попробовать поступить в институт? До экзаменов еще больше двух месяцев. Подготовлюсь.

– Хорошо, хорошо, – пробормотала мама, даже не уточняя, куда именно и с чего вдруг я собрался поступать. – А как Дарина? Ты ее не видел?

– Видел, у неё все хорошо, – я искоса посмотрел на Наську. Та упоенно грызла корку от пиццы.

– Я вот что…

– Мы, – поправил отец, крякнув.

– Мы вот что подумали, – согласилась мама. – Ты сказал, у нее проблемы какие-то, семейные…

Я кивнул, уже понимая, к чему всё идет.

– Может, ей пожить у нас? Или у тебя, квартира же большая, для девочек найдется свободная комната. – Мама, похоже, исходила из того, что я никак не могу спать в одной комнате с Дариной.

– У нее дела, мама.

– Ну пусть заглянет как-нибудь, я пирог сделаю, – продолжала мама, хмурясь. – Мука есть. Или пирожки с картошкой…

Она явно подбиралась к основному вопросу.

– А Настенька пусть пока поживет у нас, – закончила мама. – И Дарине легче будет с делами, и девочке…

– Мама, завтра утром Наське надо вернуться к Дарине, – сказал я.

Лицо у мамы закаменело. Отец потянулся к бутылке и вновь наполнил рюмки.

– Это обязательно? – спросила мама жалобно.

Я молчал.

Ну что я, слепой, что ли? Не вижу, что родителей будто включили сегодня?

– Это обязательно, – неожиданно сказала Наська. Повернулась и обняла мою маму. – Вы хорошая. Я бы у вас осталась.

У мамы задрожали губы.

– Но вы же догадываетесь, да? – сказала Наська. – Я не совсем человеческая девочка. Я из Гнезда. Я Измененная. И Дарина тоже. Я куколка, она жница.

– Сволочи, – тихо сказал отец.

– У меня была… нет, не хочу даже называть, – Наська опустила голову. – Очень гадкий рак. Его вообще не лечили, и сейчас не умеют. Родители пытались собрать денег, но это все равно бы не помогло. А тут еще Перемена. Всем стало не до того. Я бы умерла, но появились Гнезда. Я не помню маму, только придумываю себе, но у меня есть ее письмо. Она там все рассказывает. Я ее понимаю и не сержусь. И на Гнездо не сержусь. В одном я не прижилась, так бывает, меня гнездниковское забрало. Там я поправилась, только не сразу.

Мама молчала.

– Ты приходи утром, Максим, – попросила Наська, не отрываясь от моей мамы. – Сегодня был такой чудесный день. Утром мы пойдем в Гнездо. Дарина ждет, я чувствую.

Я взял отцовскую рюмку и выпил. Потом мамину.

Никакого вкуса. Как у отцовского виски в ночь Перемены.

Отломил кусочек пиццы, бросил в рот и вышел.

Ничего я не мог сделать, никому не мог помочь.

И никто не был виноват.

Даже Инсеки.

Потому что если бы не они – вся Земля была бы радиоактивной пустыней, в которой дикари дрались бы за банку тушенки.

У меня, конечно, были заначки в квартире. И кубинский ром, и английский джин, и настоящий французский коньяк. И вино, кстати, было. Даже шампанского две бутылки – я все собирался поразить какую-нибудь девчонку новогодним праздником с шампанским.

Поэтому я открыл бутылку обычной водки, даже не из Комка, а из государственного магазина. Чистая химия, если откровенно.

Налил в стакан сто грамм, выпил, понял, что не поможет. И пошел спать.

Это был очень интересный и необычный день. Но утром он окончательно останется в прошлом.

Я отрубился сразу, без пустых переживаний и лишних мыслей. Спать так спать, нечего ворочаться.

И проснулся, как мне показалось, почти сразу же. В комнате было темно и тихо, но я чувствовал, что не один.

Пистолет лежал далеко, в кобуре на столе. Но на тумбочке ночевал японский кастет – явара. Да, считайте меня параноиком. Когда начинаешь жить один в восемнадцать лет в чужой большой квартире – хочется иметь под рукой что-нибудь неожиданно полезное.

Я медленно, будто во сне, пошевелился, высвобождая руку из-под одеяла. Почувствовал, что кто-то сидит в ногах кровати.

Резко подтянувшись, я хлопнул рукой по тумбочке, лежащие на зарядке часы засветились, я подцепил явару и замахнулся.

К счастью, слабенького света часов хватило, чтобы я разглядел свою веселенькую детскую пижаму.

– Наська? – обалдел я.

Куколка сидела, сжавшись в комок, сплошь коленки и локти, смотрела на меня широко раскрытыми глазами и мелко тряслась.

– Что случилось… Что с родителями?

– Они спят…

– Что ты здесь делаешь? Как ты вошла?

– Ключ у них взяла…

Ну да, конечно, ключ от моей квартиры у них возле дверей висит… задвижку я не закрыл… наверное.

Что, впрочем, не отвечает на основной вопрос.

– Ты зачем пришла?

– Мне… мне страшно. Я слышу…

Почему-то я сразу понял. Наверное, тоже ощущал, только не привык к такому.

А теперь услышал.

В километре от нас ныло, будто больной зуб, Гнездо.

– Что это? – Я сел, спустил ноги на пол.

– Ты слышишь? – кажется, она обрадовалась.

– Да уж, спасибо печати… – буркнул я. Во рту пересохло. Ненавижу алкоголь. – Ты видишь в темноте?

– Немножко.

– Принеси мне с кухни стакан воды. Лучше из холодильника, не из-под крана.

Наська тихо исчезла. Я опять пошевелил часы, в их слабом свете натянул джинсы, стал застегивать рубашку.

Наська появилась с фарфоровой кружкой. Как-то она ухитрилась все сделать совершенно бесшумно. Я жадно выпил воду, сказал:

– Воду лучше наливать в прозрачные стаканы, так вкуснее.

– Правда? – поразилась она.

Фраза помогла, у нее мозги заработали в другую сторону.

– Почему сразу не разбудила? – спросил я.

– Да я только присела, ты проснулся…

– Гнездо раньше так… пело?

– Нет.

Конечно, это было не пение, не музыка, да и вообще не звук. Но как иначе-то назовешь.

– Ты можешь связаться с Дариной?

– Мы не телепаты. – Кажется, она обиделась. – Это все выдумки.

– А телефон в Гнезде есть?

– У матери, – подумав, ответила куколка.

Но я уже отверг эту мысль. Эх, были бы сотовые… Но Инсеки не любят ни интернет, ни мобильную связь – только радио для судов и самолетов оставили…

– Я пойду в Гнездо, – сказал я. – Сиди здесь. Или, лучше, вернись к моим старикам. А то проснутся и перепугаются.

– Я пойду с тобой, – ответила она так твердо, что я понял – спорить бесполезно. Что я с ней сделаю? Запру, свяжу? Она выберется. А то еще и мне наваляет попутно.

– В пижаме? – застегивая кобуру, спросил я.

– Какая разница? – искренне удивилась Наська.

Я махнул рукой. Допил воду, застегнул на руке часы.

– Пошли.

У дверей я набросил чистую ветровку, в которой обычно ходил искать кристаллы, – вторая до сих пор не высохла. Наська замешкалась, обуваясь в сандалии. Хорошо хоть, не мои; видимо, ей купили вместе с платьем. Я подумал, не дать ли куколке какое-нибудь оружие, хоть бы и явару. Но с ней надо уметь работать. Может, дубинку? У меня была обычная резиновая дубинка. Потом представил, как это будет выглядеть, и решил, что не стоит.

Девочка в пижаме, идущая по ночной Москве, и без того вызывает желание позвонить в полицию. А уж с дубинкой…

Мы спустились по лестнице, так было быстрее. Консьерж не спал, читал, позевывая, книжку. Наську он вчера видел выходящей с родителями, но наше ночное появление его удивило. Он даже открыл рот, собираясь что-то спросить.

– Спи… – добродушно сказала Наська, проходя мимо.

Консьерж откинулся в кресле, запрокинул голову.

– И это не телепатия? – возмутился я.

– Ничуть. Телепатия – это мысли читать!

Спорить я не стал. Мы вышли на улицу – и я тут же заметил припаркованную через дорогу машину. Серенький скучный седан, на передних сиденьях двое, двигатель заглушен.

Ага!

Не оставила меня родная полиция без присмотра.

Я быстро перешел дорогу, почти волоча за собой Наську, и постучал костяшками пальцев в окно. Внутри, как оказалось, сидели мужчина и женщина. Мужчина за рулем, женщина рядом. Оба мрачные. У женщины на коленках лежал букет цветов, от которых она безжалостно отщипывала лепестки.

Как-то странно для наружного наблюдения, нет?

– Отвезите нас к Гнезду, – сказал я. – Быстро!

– К-какому Гнезду? – удивился мужчина. Был он довольно вальяжный, в очках (обычных, не зеркалках), выглядел получше своего автомобиля… хотя любой частный автомобиль нынче роскошь.

– В Гнездниковском! В бывшем Минкульте!

– С какой стати? – почему-то возмутился мужчина. – Я вам что, такси?

– Отвези их, Влад, – устало сказала женщина. – Видишь, у молодежи проблемы какие-то…

Мужчина смирился, щелкнул кнопкой, разблокировав двери, запустил мотор. Мы уселись позади.

Водитель ничего спрашивать больше не стал. Вырулил из переулка.

Минут пять-шесть мы на этом точно сэкономим.

– А вы потом позвоните Лихачеву, – велел я женщине. – Скажите: что-то странное происходит.

– Это уж я поняла, что странное, – сказала женщина с иронией. – Но о каком Лихачеве вы говорите?

– О полковнике! Из отдела «Экс»!

– Да с чего вы решили, что она его знает? – буркнул мужчина.

– Вы же тут нас ждете? – спросил я. – То есть караулите?

Женщина коротко рассмеялась.

– Он вас не ждет, он со мной ссорится.

– Я с тобой не ссорюсь! – рявкнул мужчина.

– А кто тогда ссорится?

– Ты! – с болью в голосе сказал мужчина.

До меня наконец-то дошло, что это было никакое не внешнее наблюдение, которое я себе напридумывал. Не удостоился я такой чести.

Обычная пара после гостей или ресторана выясняла отношения.

– Тут налево, – сказала Наська.

– Знаю! – ответил мужчина. – А тебе спать не пора? Второй час ночи! И почему ты в пижаме, девочка?

– Потому что ночь и спать пора, – огрызнулась она.

Мужчина заткнулся. Женщина нервно засмеялась. Спросила:

– Милая, твоему брату помощь не нужна?

– Он не мой брат, он парень моей сестры, – ответила Наська. – Нет, спасибо.

Мы доехали. И, к счастью, дальнейших предложений помощи не последовало, хотя парочка явно была заинтригована.

Я даже подумал, что сейчас у них появился шанс помириться.

– Спасибо, – вежливо сказала Наська, когда мы выскочили из машины. Я только махнул рукой.

Что ж, у моего дома никакой доблестной кавалерии не оказалось. Но оставался полицейский пост напротив Гнезда. Вот они пусть и вызывают полковника, у них либо есть рации, либо в будочку кинули телефонный провод.

Никаких сомнений в том, что помощь нужна, у меня не оставалось. Гнездо не просто тревожно пело, оно вопило вовсю.

Если днем его голос походил на ласковый морской прибой, то сейчас это был грохот надвигающегося шторма.

Но едва я увидел пластиковую будку, то понял, что помощи мы тут не получим.

С виду она была совершенно цела. Но камера на крыше смята – так я мог бы смять пальцами спичечный коробок.

А сама будка напоминала стакан блендера, в котором перемололи горсть клубники.

Там горел слабый свет – то ли лампочка, то ли фонарик. И медленно стекали по стенам багровые струйки, перемешанные с какими-то ошметками и клочками формы. К одной стене прилипли разбитые поисковые очки, выпачканные в чем-то красно-сером.

Я отвернулся.

Ну надо же. Крепкие у меня нервы. Меня опять не стошнило!

Наська стояла рядом, глядя на будку.

Я вспомнил лица полицейских, которых видел вчера внутри. Один был старше, другой моложе, а больше я и не запомнил ничего. Только эти очки дурацкие…

Меня вывернуло.

Я проблевался пиццей и горькой водкой.

Постоял, упершись руками в колени.

Кто-то недавно прошел мимо будки, раздавил камеру и перемолол в фарш двух здоровых вооруженных мужиков!

– Наська, не смотри. Идем за помощью, – сказал я, выпрямляясь.

Ее уже не было рядом. Маленькая фигурка стремительно неслась к Гнезду.

– Дура… – выдохнул я. – Дура, дура, дура!

Но я был не меньший дурак и поэтому побежал следом.

Глава восьмая

Гнездо словно с ума сошло.

Я чувствовал приливы энергии, проносящиеся по зданиям, выхлестывающие на улицу, в паутинные туннели, отражающиеся обратно и с грохотом бьющиеся меж стен.

Ну вот опять я пытаюсь объяснить то, чему нет подходящих слов.

Какая энергия? Какой грохот?

В этом мелком, но помпезном министерстве, куда Измененные стащили сто тысяч миллионов ковров, одеял и подушек, вообще все звуки умирали. Даже лампочки тут светили вполсилы, и душная московская весна уступала место влажной стылости.

Но я чувствовал себя в эпицентре шторма. Щепкой, угодившей в водоворот…

Куском беззащитной плоти, брошенным в блендер.

– Дарина! – закричал я, не таясь. – Наська!

Жницы в фойе не оказалось, и куколка уже куда-то умчалась, вокруг вообще никого не было.

Только ощущение опасности и ужаса.

Бежать по коврам и подушкам было неудобно, я дважды споткнулся, кинулся вверх по лестнице… и остановился.

Нет. Не туда.

Направо.

Вниз.

Тряпки и прочая рухлядь почти пропали, остался только выцветший ковер, лежавший тут и до Перемены, прижатый к ступенькам потемневшими медными прутьями.

Я чувствовал, что выбрал правильное направление.

Голос Гнезда звал меня за собой.

Я пробежал длинным коридором, поднялся по другой лестнице. Я уже совсем запутался в этих переходах, не понимал, где именно нахожусь. Но шел правильно.

– Дарина! – крикнул я, вбегая в большой зал. Сдвинутые к стенам запыленные стулья, над ними портреты русских композиторов, на паркетном полу неизменные ковры и подушки, огромная пыльная люстра под лепным потолком, где мужественно боролись с тьмой две-три лампочки, небольшая сцена, а рядом с ней совершенно неожиданная, широкая бронированная дверь.

Возле сцены стояла Наська. Смотрела на металлическую двустворчатую дверь. Та выглядела чужеродной, куда неуместнее завала подушек или хлопьев паутины на люстре. Синевато-серый металл казался непроницаемым, как банковский сейф или борт космического корабля Инсеков.

Но на моих глазах на нем совершенно беззвучно появилась вмятина. Потом еще одна.

Наська медленно повернула голову ко мне и закричала:

– Беги!

И тут же взлетела в воздух, задрыгала ногами, повиснув на высоте человеческого роста. Замолотила кулачками в пустоту.

Я бросился к ней.

И почувствовал удар – небрежный, мимолетный. Будто мне навстречу матрасом махнули! Из носа хлынула кровь, а я, взмыв в воздух, преодолел несколько метров и шлепнулся на пол.

В первый раз я порадовался раскиданным повсюду одеялам и подушкам.

Нет, вру. Во второй…

Гул Гнезда обрушился на меня одновременно с ударом. Но не добил, а словно подхватил, обволакивая.

Почему-то я знал, что, если бы не эта неожиданная помощь – я бы уже валялся с переломанными костями, никакие ковры бы не спасли.

«Жница!»

Наська все так же беспомощно болталась в воздухе. То, что я слышал, опять же было не звуком, а каким-то возмущением в пространстве, наполнившим весь зал могучей волной.

«Если ты не выйдешь…»

Это были не слова, скорее, образы. И то, что Дарина должна выйти. И то, что иначе неведомая сила примется отрывать Наське руки и ноги.

Я неловко повернулся, встал на четвереньки, поднялся. Вроде бы ничего не сломано, только кровь из носа хлещет, но кого это волнует, мы же тут не до первой крови бьемся…

Хотя насчет «бьемся» – это сильно сказано.

Что-то сокрушительно сильное и невидимое – как с таким биться?

Вздрагивающей рукой я полез в кобуру. И попал пальцами в карман, в крошево стекла и металла. Недоуменно достал зеркалки. Не те, понтовые, что носил всегда, а простенькие рабочие. Одно стекло разлетелось полностью, несколько осколков теперь торчали у меня из пальцев, чего я совершенно не чувствовал и даже не придал этому значения. Второе покрылось трещинами, но чудом уцелело. Сейчас я был бы хорошей парой культурному бомжу…

«Жница!»

Проведя пальцами по рубашке, я ухитрился стряхнуть впившиеся стеклянные иголки, хотя одну, кажется, совершенно безболезненно загнал под кожу.

А потом, повинуясь порыву, надел очки.

То, что стояло у сцены, невидимое невооруженным глазом и ярко искрящееся сквозь треснувшее стеклышко, не было ни человеком, ни Измененным, ни Инсеком. Что-то совершенно неведомое и жуткое, ростом метра три, с тонкими конечностями, суставы на которых походили на шарниры, с человеческого размера и формы голым туловищем и огромной, мохнатой, будто у обезьяны, головой. Глаза здоровенные даже для этой морды, выпученные и словно бы прикрытые прозрачными колпаками.

У существа были две лапы, на которых оно стояло, и еще четыре конечности, с длинными тонкими пальцами на широченных ладонях. Одной ладонью существо сжимало Наську, две другие вытянуло к двери, а четвертая, похоже, примерялась осуществить угрозу и оторвать куколке ногу.

Песнь Гнезда изменила ритм. Волны уже не бились о берег, волны откатывались… и подступала по-настоящему большая волна.

Дверь вдруг раскрылась. Не распахнулась, не разошлась в стороны, а свернулась к раме, сразу вся от центра, будто створки были лишь бутафорией, данью человеческой традиции.

В проеме стояла Дарина – в своем черном комбинезоне жницы и со здоровенным пулеметом наперевес. С таким разве что в комиксах героев рисуют, его даже без стрельбы в руках не удержишь.

Но Дарина начала стрелять.

Как ни странно, ее не отбросило после первого же выстрела, она лишь пятилась, отступая.

Попала она или нет – я не понял. Монстр сделал неуловимый жест свободными лапами, и, хотя до Дарины было метров пять-шесть, пулемет у нее из рук вырвало, расплющило и с грохотом жахнуло об стену.

Да уж, какая тут битва… тут и старшая стража, и монахи ничего не сделают…

Я запустил руку в кобуру и достал макаров.

Мне казалось, что я двигаюсь абсолютно бесшумно и очень быстро. Но голова монстра уже повернулась ко мне. Казалось, он был удивлен тем, что я стою живой и даже более-менее невредимый.

Одна лапа стремительно пошла в мою сторону – и ковры на полу, вслед за ее разворотом, вспарывала невидимая даже в очках сила.

Вот только голос Гнезда уже изменился, теперь он ревел падающим на берег цунами – подхватывая меня.

И лапа монстра двигалась всё медленнее и медленнее… или это я стал думать и двигаться с его скоростью?

Я нацелил пистолет в голову твари и нажал на спуск.

Кажется, это и впрямь что-то со мной… затвор отходил назад плавно, неспешно, и мне казалось, что я вижу дрожащий в воздухе след пули, мутный, как матовое стекло.

Первый выстрел прошел мимо.

Я чуть опустил ствол, совершенно четко ощущая те доли миллиметра, на которые его надо было сдвинуть. Снова нажал на спуск.

Пуля вошла монстру чуть выше левого глаза. Брызнули осколки кости.

Монстр разжал лапу, Наська плавно полетела вниз, а монстр начал приседать – то ли собираясь убегать на всех шести конечностях, словно гигантский мохнатоголовый жук, то ли собираясь прыгнуть на меня. Левый глаз наливался кровью – в буквальном смысле, между глазом и прозрачной оболочкой оказалась полость, и туда хлестало красным.

Совершенно спокойно я побежал на него, продолжая стрелять. Каждое касание пола отдавалось в ногах болью, будто я не бежал по коврам, а бил босыми ногами по бетону.

Третья пуля вошла существу в лоб.

Четвертая разнесла на части тянущуюся ко мне ладонь, а я бросился влево, падая и уклоняясь от чего-то невидимого, с чудовищной силой пронесшегося над головой и ударившего в стену.

Где-то под потолком сорвался и медленно полетел вниз портрет композитора Мусоргского, взирающего на монстра с невозмутимостью человека, повидавшего и не такое.

Монстр рухнул, несколько раз дернул лапами, вспарывая ковры и оставляя борозды в паркете.

Голос Гнезда затихал, покидал меня.

Я присел, скорчившись, как полчаса назад сидела на моей кровати Наська. Молча уставился на монстра, на идущий из ствола макарова дымок.

Задняя лапа монстра вдруг конвульсивно дернулась и вскользь ударила меня по груди. Я опустил голову, посмотрел.

Рубашка была разодрана и залита кровью.

Из кожи торчали красно-белые осколки ребер.

Как-то очень быстро всё происходит.

Люди на такие вещи не рассчитаны.

Подумав мгновение, я подгреб под себя пару подушек и вжался в них. Меня трясло. И еще хотелось пить. Начали болеть изрезанные пальцы и отшибленный копчик. А вот в груди не болело, надо же.

Интересно, если я сейчас немного посплю, это не будет невежливо?

Меня несло по бескрайнему океану холодного серого шума. Океан раскачивал меня на волнах, подбрасывал вверх – чтобы тут же уронить, подхватить и снова потащить куда-то.

Наверное, я умираю.

Вот же досада.

Надо было дострелять магазин в монстра. Пожалел четыре патрона.

Но бой вышел шикарный.

Жаль, не узнал, что же это за тварь такая.

Меня снова подбросило на невидимой волне – и больно ударило по щеке. Потом по другой.

Ну что за свинство? Когда человек умер, ему не должно быть больно!

– Зачем ты его бьешь?

– Чтобы он проснулся.

– А он точно проснется? Он разве не умер?

Бац! Бац! Опять по щекам!

– Я ему умру…

Я открыл глаза и посмотрел на Дарину. Она сидела рядом и, кажется, приготовилась снова залепить пощечину.

Сказал:

– Можно было… просто поцеловать.

Стоящая за Дариной Наська немедленно сообщила:

– А она вначале целовала. Потом принялась бить. У вас сложные и запутанные отношения.

– Тьфу… на вас обеих… – прошептал я. Осторожно потянул руку к груди. Дарина ничего не сказала, и я ощупал себя.

Вначале осторожно, а потом двумя руками. Сказал:

– Тут торчали ребра.

– Три ребра и грудина, – подтвердила Дарина. – Наська, ты еще тут? Что я сказала?

Куколка куда-то метнулась.

Я попытался сесть, Дарина помогла. Монстр по-прежнему валялся рядом, судя по всему – уже окончательно дохлый.

У меня даже шрама не осталось. Только рубашка порвана в клочья и окровавлена.

– Долго я был в отключке?

– Полчаса примерно.

Я покачал головой:

– Раны так быстро не зарастают.

– Ты призван, – сказала Дарина. – И Гнездо тебе благодарно. Сломанные ребра – ерунда, у тебя все мышцы были порваны и кости на ногах переломаны.

Я посмотрел на ноги. Кроссовки выглядели так, будто я совершил в них кругосветное путешествие.

– Что за хня? – недоуменно спросил я. – Меня по ногам никто не бил.

– Ты сам себя бил. Ты двигался с такой скоростью, которая недоступна человеку. Сухожилия отрывались от костей, а кости ломались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sergey-lukyanenko/sem-dney-do-megiddo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить